

ТЮМЕНЬ Литературная

Газета писателей России и Русского Зарубежья

№ 5 (47)

1998

RUSSIA TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г. Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Рис. И. Холомьевой. Из иллюстраций к сборнику стихов Веры Худяковой "От лета — до весны".

Афанасий Фет

Цветы

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

Русский простор

Опрокинется небо
В сверкающий глянец озер.
И такое нахлынет смятение
В душу и сердце.
Я люблю этот вольный,
Чарующий русский простор —
Никуда, ни в какие края,
От него мне не деться.

Будто Вечность застыла
На крохотных блюдцах земли.
И бездонность души
Измеряется той чистотой.
Ничего не болит!
И несет меня тихо, кружит,
Словно белую чайку
Над синей озерной водою.

Заслонить бы крылом
Хрупкость этой земной красоты,
Уберечь бы навек
От жестокости и равнодушья.
К нам природа — с добром.
Ты постигни ее, человек,
Как младенец, смотри в этот мир,
Восхищайся и слушай.

Вера Худякова

ПРОДАЙТЕ ОДЕЖДУ И КУПИТЕ МЕЧ!

* * *

«Век двадцатый представлялся как победное шествие нового строя по всему миру. Демократия считалась универсальной последней и конечной формой политического устройства общества для всех народов и на все времена — от папуасов до англичан. Но жизнь преподнесла сюрпризы. В действительности, весь двадцатый век был наполнен борьбой народов мира против западных демократий. Она шла под знаменем интернационализма (социализма) или национализма, но смысл ее заключался в освобождении своих стран от железной хватки Дальнего Запада.

«Демократия» есть термин, вводящий в заблуждение. Никакого правления народа в демократиях нет, не было и никогда быть не может».

Вл. Нилов

* * *

«Нынешняя война в России — война невиданная в нашей истории, война с врагом, не осознанная еще в своей сущности народной массой, и потому как никогда велика роль сознательной ее части, роль истинных русских патриотов».

Михаил Лобанов
«Наш современник» № 4, 1998

* * *

*Мы все теперь на эшафоте,
Все палачу обречены —
Сбылись пророческие сны,
И дьявол приступил к работе.*

Г. Бостунич

Дмитрий Донской.
Скульптура В. Клыкова.

О МАТЬ МОЯ, РОДИНА МОЯ ПОГУБЛЕННАЯ РОССИЯ!

Лежишь Ты повергнутая навзничь, оплеванная, оклеветанная, бессильная и одинокая... Ты, которая всегда согревала, кормила и берегла детей своих! Где же они, сыны твои, отчего их нет с тобой рядом в этот трагический для тебя час, почему некому было защитить от поругания и бесчестия Мать свою — Родину? Только тучи черной нечисти шумят у твоего изголовья мохнатыми крылами, алчно вглядываясь в лицо Твое — жива ли еще? И ждут удобного момента, чтобы высосать из тела твоего, еще недавно столь живого и прекрасного, все жизненные соки.

О Мать, о Великая Россия, много ли тех, кто заплачет о Тебе, вспомнив, как вставала Ты гордая и прекрасная, с грозно сверкающим мечом в руках на защиту Человечества против фашистских орд, как жизнью лучших сынов своих платила за Свободу и Мир для тех, кто сейчас нагло плюет в полумертвое лицо твое, как когда-то плевали и в лицо пришедшего в мир Спасителя.

Сыны, где же вы, или не течет в ваших жилах больше кровь Матери вашей России? Или это уже не кровь больше, а только водка, которой вы позволили спить вас, чтобы предать Мать вашу на заклятие демону? Что вы как трупные черви копошитесь в земле, ибо как нищие сироты пойдете по свету за подающим, как бездомные собаки будете грызть горло друг другу за брошенную вам кость! Не найдете успокоения и в могиле — ваши дети и внуки проклянут вас и плюнут на могилы ваши, как вы плюете ныне на терзаемую бесами Мать вашу Родину!

Очнитесь пока не поздно, пока есть еще миг один! Спасите свою Мать — Россию.

Продайте одежду и купите меч!

«Свободное слово Руси», USA, № 1-4 (385-388).

Шюмень литературная

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ...

Из романа «И всюду лик коня»

...В школу я поднимался тяжело. С сопением одевался у дверей, заряжая мать подозрительностью.

— Опять не в школу?

— В школу?

— Врешь! — не верилось ей. — Я твою заячью натуру давно изучила. Ни ума, ни фантазии — Кузька долбанутый. Ну и послал же мне господь сыночка!..

Выйдя из барака, я убежал за поленницу и «шабил» там вчерашние «охнарыши». Натощак они были хмельны и кружили голову. В этом тумане я сидел и наблюдал, как выметают из тепленьких местечек моих товарищей.

— Не телишься, кондон! — басил на Вовку Козлова отчим. — Совсем распустился, — без зла, по-лагерному выражался Деряба.

И тут восставала Вовкина мать, обиженная за сына.

— А чего ты хайлаешь на ребенка? — принижала она свой гордый и звучный голос. — Ты чего расхайлался-то, а? Да твою мать-то за ногу, в печенки, в салную бочину, да твою, — минуты две сыпала она горохом, заключая свою брань привычным: «Во так. А то расхайлался на ребенка».

— Хорош! — взягивал Деряба и уж на выходе с предостережением выпевал: «Фраер в белом галстучке атласном обнимает где-то у ворот.

Зря, судьба, смеешься ты,

напрасно —

старый урка все равно придет».

«Старый урка», соря искрами от папиросы в утренней полумгле, уходил на работу.

Следом выбегал из барака Вовка, а за Вовкой из соседней двери — Шаньга. Этот, как всегда, запахивался на ходу, а изо рта у него торчал недоеденный кусок хлеба. Он, точно собака с костью, мог носиться с ним до вечера. и вообще, мы не представляли себе Шаньгу без куска хлеба в кармане или во рту.

— В школу?

— А куда денешься, коли подступаю с кочергой?

— Фу ты, нашты! — поморщился Шаньга. — В войнушку бы на хуторе поиграть — у Рабки.

Он, захлебываясь дымом, не пере-

стал жевать свой черствый кусок, и курил-то как будто вприкуску.

...На заречных нефтяников мы смотрели как на пришельцев из другого мира. Они скорее походили на космонавтов, чем на людей, хотя разговаривали на простом человеческом языке. Красивые бушлаты, капюшоны, шлемы — все это было из потустороннего мира, где не ведают о простых мужичьих телогрейках.

Мы ходили за ними толпой, когда они лихо подкатывали на танкетке к столовой и выгружались. подобно десанту.

— Здорово, мужики! Чего нахмурились?

Мы гордились тем, что нас угощают иностранными сигаретами в красивейших коробках. И вообще они были добрей местных увальней, раскованней, свободней, всегда наезжали под хмельком, не кичась своей истинной свободой. Каждому из нас хотелось переселиться в их вольный поселок, чтобы не чувствовать над собой деревенского кнута.

И даже Деряба, этот легендарный блатарь, не отделил их могучего облика, когда подшивал, точно валенок, на столовском крыльце Гранита — хохла с двойным загривком.

Свару эту затеяли на наших глазах. Нефтяники открыли свежую бочку пива, стояли на крыльце потягивали из кружек. Деряба подошел к бочке — налили ему.

— Чокнемся, что ли? — хохотнул он, сдувая высокую пену.

Ему кивнули. И Гранит подлез со своей кружкой, чтобы поприветствовать нашего лагерника. Но Деряба вдруг зафорсил, выделывая руками свою козу-дерезу.

— Я со многими пью, — сказал он. — но есть такие. с которыми просто выпиваю.

Гранит набычился.

— От жизни я ушел рикошетом: то ли в небо, то ли в землю — не пойму. Но пить могу со всякой швалью. Точняком.

Деряба прищурил левый глаз, молчком зашел со спины и всадил ему сапожное шило в ягодицу. Гранит не заорал не взвился к небу, а просто хлопнул себя по заднице, точно комара убил. Этот удар явился для него комариным укусом. И Деряба, вытаращив глаза, примиренчески предложил:

— А может, раздавим пузырь? С пива-то только ссать бегать.

Мужики закатились. Мы тоже умирали со смеху от нечаянного восторга.

Когда «десантники» подолгу не приезжали, мы выходили на высокий берег с нетерпением поглядывали за реку, откуда должна была показаться их танкетка.

Но этим утром, разбрызгивая грязь, по-дикому чадя и подпрыгивая на уха-

бах, к переправе вырвались из тальника сразу же две. Танкетки подкатили к мосту и замерли. Через мост не рванут — он разрушен, а лед на реке — лошады можно продавить. Неужели пехом?

Но нефтяники не выгружались. Два человека бегали перед мостом, размахивали руками, а танкетки дико взревели и продолжали чадить. Что же будет? На берегу потихоньку собирались люди, обсуждая странные действия «пришельцев».

— Поплывут, — заметили в толпе. — Танкетки-то, говорят, плавают не хуже лошадей.

А лед? Во льду запутаются, как в неводах, — возразили «лошаднику». — С этим разве можно шутить? Такую технику не оплатим после и всем хозяйством.

А на том берегу между тем началась паника. «Пришельцы» с первой танкетки перебрались на вторую, стоявшую боком к нашему берегу, и стали осторожно выгружать из нее какие-то черные, похожие на пропитанную железнодорожную шпалу сутунки. Они их не бросали на землю — опускали осторожно, в наклон, как опускают в могилу гробы. Этих сутунков мы насчитали около десятка.

И тут вдруг разгруженная танкетка взревела, круто, точно на каблучке, развернулась и, задохнувшись в дыму, помчалась прямо по целине.

Через пятнадцать - двадцать минут со стороны Изюка показалась санная цепочка спаренных лошадей. Лошади неслись сломая голову, а позади — ревущая танкетка, точно погоняющая и без того одуревших лошадей.

Сутунки перегрузили на сани, выбрали все из первой танкетки — с прежнею осторожностью, как будто боялись уронить.

С этого берега мне хорошо было видно, как бились, пытаясь подняться на дыбы, тяжелые крестьянские клячи. И никто не мог понять, чего же они так испугались? А возницы рвали их кнутами, выгоняя на залитый водою лед. Диким ужасом переполнилась застоявшаяся округа.

А лошадиная цепочка перетянула реку, выбралась на избитую дорогу, приближаясь к крутому взвозу. Издали она походила на рыбный обоз, прибывший в нашу деревню из далекого татарского Тукуза.

От перекрестка, где когда-то сбили машиной Петрушку, убежали, поджав хвосты, собаки. Они любили облаивать чужих лошадей, но при виде этого обоза бросились наутек. Люди же, напротив, прижались теснее к изгороди, как бы давая дорогу первой подводе, и молчали в настороженной тишине.

Выгибая пенистые шеи, громко фыр-

кали и, казалось, рычали обессиленные лошади.

— Опалили, как поросей, — пристынул Деряба. — Перепили, знать, мужики.

— Трупы, — тихим голосом произнесла Гильотина, кивая на обугленные сутунки, слегка прикрытые брезентом и мешковиной, из-под которых торчали головешки черных ног. — Мертвецы.

Толпа ахнула.

Мужики, находившиеся в саях, лежали на трупах, как на дровах, вывозимых из лесу.

И только Савелий без иронии в голове выругался на чисто русском языке.

— Мать-перемать! За всю жизнь я не видел столько покойников...

В последний раз в нашей деревне хоронили Марчанку-птицу. Она была бездомной, бродила всюду в поисках хлеба, водки и ночлега. А когда ее сбросили с водонапорной башни, то Деряба объявил по всему селу:

— А птица-то оказалась без крыльев. Надо же так опростоволоситься!

Из морга нефтяники вернулись к столовой, где для них распечатали уже свежую пивную бочку.

— Бригада отдыхала в балке, — рассказывали они, — все храпели без задних ног. А мотористу с утра вдруг захотелось завести свою «пилораму», солярка — что лед. Ну, занес ведро да поставил на горячую плиту. Дальше, как в партизанской картине — рвануло. И получили сводки о результатах диверсии. Тринадцать человек сварились, как в котле...

— Так выскокоть-то не могли, что ли? — не верилось никому. — Пока там разгорелось, пока разошлось по балку...

— От взрыва не убежишь! Иные прямо в разбитых окнах сварились, как будто в прыжке — не взяли высоту.

Дикая картина расплывалась в моих глазах. Я не мог себе представить горящих заживо людей.

Молодые спецы припекались к нашей деревне поодиночке. Их приезд всегда был неожиданным и помногу дней обсуждался, как речь Хрущева. Они даже не приезжали, когда это делается с охотой и желанием, а как бы обрушивались сверху, несколько побитые и растерянные. Мне все казалось, что их выбили метким выстрелом из многочисленной людской цепочки, куда-то летящей и кричащей над землей. Они поневоле обживали нашу «поскотину».

— У своих не хватает грамотешки, — говорил дядька, — так пусть хоть подсобят в сложных делах.

Когда таких девчушек-спецов набралось до десятка, он выделял им хороший дом, срубленный на двух хозяев.

— За что им такая честь? — настоялись в соседях. — Всю жизнь робим, а живем в бараках. Нельзя ли переписаться по иному бланку?

— Пускай живут, — одергивал ворчун дядька. — Вы что, не знаете, каково им было на учебе? Тогда давайте решим эту проблему по совести. Я, зна-

чит, даю вам, орденосцы мои, тему для контрольных работ по животноводству, скажем так, и выполняйте в срок? Сделаете завтра — завтра же переедете в новую квартиру.

— Ну-у! — замычал Чернуха, пожилой мужик, пропахший своим гусеничным трактором. — Мне легче двадцать га вспахать и засеять, чем в бумажке расписаться... Темен я в этих делах.

— Молчите, если нет тямю.

Я часто забегал сюда, чтобы, притихнув в уголке, посидеть и послушать, о чем толкуют за столом. Меня будто не замечали, а если замечали, то далеко за полночь — и выгоняли, как издевалась мать, с треском.

... Молодухи решили по-хорошему встретить «пришельцев», засуетились на кухне, захлопотали, но их тут же одернули:

— Не наводите марафета, довольно стакана и чего-нибудь занюхать.

Мужики были угрюмыми и злыми. Они наливали в стакан водку и пили по очереди, занюхивая сухой хлебной корочкой. На столе была закуска, но на нее почему-то махнули рукой и продолжали тянуться к единственной корочке. Первою всполошилась Зинка-фельдшерница.

— Разве так пьют? — ахнула она. — Это же подобно самоубийству!

— А я еще выпью, — сказал тот из парней, которого все называли Власом. — Все равно мне жить-то осталось лет тридцать-сорок.

Шутка не удалась. И мужик, похожий на «бугра» или «пахана», согласился вроде бы с Зинкой.

— Да, водка, — хмыкнул он, наливая себе в стакан. — Ничего в ней хорошего нет. Но кто понял это, тот, к сожалению, уже в гробу.

Зинка растерялась. И пока она приходила в себя, Пахан принял очередную порцию водки и занюхал черствой корочкой. Теперь он готов был слушать не одну Зинку.

— Я жду исповеди, — глянул он на молоденькую товароведшу, которая неловко ойкнула от этого взгляда, как от щелчка.

— Что я могу? — покраснела она. — Я ведь просто торгую.

— Кто не просто торгует, тот сидит, — заметил Пахан, — поэтому я интересуюсь — как это у вас умудряются просто торговать, когда во всем мире...

Товароведша сидела ни жива, ни мертва... Я помнил день, когда она впервые открывала свою лавочку. Открывает, а народ ждет. А тут еще блохастый пес подбежал, завалился на бок, выгнулся дугой и давай щелкать пастью чуть ли не под хвостом. «Что это у нее под хвостом?» — оглянулась товароведша. «Умный вопрос, — заметил дядька, стоявший тут же, у крыльца. — Даже не знаю, какой ответ будет достойным? Но мне кажется, что ей там конфетку подвязали — авось, не достанет. Пусть, думают, помучится подольше — вкусней будет леденец».

— Ну, чего молчишь?

— В сентябре... Поехали мы, значит, с водителем на районную базу, дороги — никакой. Едем час, два, шофер постоянно выбирается из кабины, чтобы лопатой забросить колею. Вроде бы и полудремала, а тут аж вздрогнула: паренек крутит «баранку», посвистывает, но у самого руки сбигты до крови. Вот он как, думаю... Закусила губу...

— А вон, кажется, Натали идет, самый строгий из нас человек, — прокричали за столом.

На пороге объявилась школьная пионервожатая. Заметив на столе водку, она остолбенела. Как будто здесь выпивали не взрослые мужики, а ее пионеры-придурочки.

— За вами волки гнались? — поинтересовался Пахан. — Если нет, то приходите к столу.

Она прошла и села, обескураженная взглядом Власика. Тот даже подмигнул ей, указывая на место рядом с собою. «Благодарю», — не по-пионерски отозвалась она, хотя из разреза кофточки выглядывал алый галстук: забыла снять.

— Вы что, пионерка? — спросил Пахан, подавая ей стакан с водкой. — Малолетка?

— Я работаю с детьми... А галстук? Боже! Как же я забыла о нем... — подскочила Натали, запахивая кофточку. — Закрутилась с детьми — о себе забудешь.

— Расскажите-ка нам о детках, — попросил ее Влас. — И выпейте за уопших, чтобы им не снились черти в братской могиле.

Натали не посмела отказаться и выпила водку мелкими-мелкими глоточками, будто птичка. Подружки ее тоже пригубили, страшно морщась и хлопая руками пред собой, точно хотели за что-то ухватиться.

А Натали погрузилась. Мне подумалось — будет петь, но она начала о детках...

— С детьми устанешь... Одну историю могу рассказать. Ни к чему? Тогда спросите у детей, и я уверена, они откажутся от всего, что им будут предлагать здесь в завтрашнем дне. Лишь бы удрать!

Пахан был растроган чем-то до слез: он сидел и плакал, не пряча лица в ладонях.

— Неужели, чтобы стать счастливым, нужно посвятить этому всю жизнь? — недоумевал он.

Расчувствовавшись, девицы уже не стеснялись пить. Даже Зинка, выпивая водку, без смущения терла себе нос кулачком.

Заиграла радиоло, три пары закурили по комнате. И только Пахан оставался за столом — он всхлипывал, курил и, как мне казалось, чернел на глазах. Ему было жарко и он скинул с себя курточку... Черная рубашка, черные шея и лицо, черная и мертвая голова. Меня будто прохватило ознобом до самого позвоночника: да ведь он из тех самых розвальней, в которых везли к моргу обгоревших людей!..

— Ты разве не дома? — трясла меня пионервожатая. — А ну, выметайся отсюда! — закричала она. — Тебя же мамка потеряла...

Весна напирала с такой силой, что чугунная наледь, лопаясь, вздрагивала и начинала сползать. Огромные льдины, расплескивая бойкие ручьи, скатывались с высокого берега. Где-то внизу, потеряв силу, они укладывались. «Дрова» эти были тяжелыми, грязными и склизкими, как вековые топляки.

У берега еще не пузырилась вода. Сюда она приходила с паводком, широкая и мощная, облизывающая высокую взгорку деревни. Вода была далеко — метров за двести, у моста, где билась, упругая, как жила, в русле, покрытом расходящимся во многих местах льдом.

В преддверье мы глушили там сонного налима, высвечивая его подо льдом факелами.

Теперь же на месте наших налимьих битв полыхали темные полыньи, украшенные по канве темнеющим снегом и инеем. Левее от моста синела тропинка, по которой всю зиму ходили пешком жители ближайших деревенек, чтобы сократить путь через реку и, не поморозившись, добраться до нашего села.

И вот на эту самую тропинку, синющую между водой, вышли два человека и направились в мою сторону. Я от удивления приподнялся: зачем было так рисковать, если мост находился в пятидесяти шагах от этого ненадежного перехода?...

Я их узнал издали. Вывалившись из танкетки, к реке спускались, следуя в затылок друг другу, Власик и Пахан. Они о чем-то громко переговаривались, кивая на темную воду в полыньях. Звучал резкий, нервный смех: видимо, оба были с похмелья и спешили в столовку, чтобы пропустить по кружке пивка. Я не обрадовался им ничуть, хотя знал — угостят заграничной сигареткой и наверняка сунут рублевку: «Гуляй, рванина!» К Власу я относился вполне сносно, а вот Пахана не любил за его бесчестную душу.

Однажды Натали упрекнула его в том, что он погубил ее любимый цветок на подоконнике.

— Зачем вы облили его водкой? — притворно сердилась она. — Он же завял, сгорел дотла.

— Не сгорел, — ответил Пахан. — Он попросту, чтобы не смотреть на нашу гаденькую жизнь, выпрыгнул в форточку.

— Я тебя украду, — после некоторого раздумья заявил Пахан. — Сошью из брезента мешок, приду сюда — и унесу...

А когда Натали убежала на кухню, чтобы приготовить закуску, Пахан, повернувшись к Власу, произнес вполголоса:

— Если украсть Зинку, то вместе с лекарствами...

Я не понимал многих слов, произнесенных Паханом, но всем нутром чувствовал — они унижают Натали, влюбившуюся в Пахана.

И я продолжал дуться и ревновать, не зная, как вырвать из рук медведя эту бедную Машеньку. День проходил, другой, но ревность моя зарывалась все глубже и глубже в сердце.

Власик с Паханом, балансируя на вздувшейся тропинке, приближались к середине реки. Они рисковали сорваться в тягучую и сильную воду, поскольку один из них и расстаясь вблизи полыньи. Вот где неизбежна гибель.

Чтобы не думать о них и не набивать себя заранее волчьей озлобленностью, я уставился на реку: в этой квадратной полынье святили некогда воду, и все деревеньки сбежались на зов приехавшего невесть откуда попка. Я тоже был здесь, неподалеку от морозной проруби, вырубленной мужиками накануне этого несветского праздника.

— Хоу, хоу! — отнекивался Витязь-безногий, когда его пытались осыпать ледяным бисером. — Меня уже никакой молитвой не поставить на ноги: у меня их нет. Я оболванен жизнью ровно наполовину — по самый кисет.

Когда пришло время расходиться, попик пообещал народу, что попытается отпраздновать вместе со всеми грядущую масленицу.

— Попробуем, рабы божьи, вернуться в старину, — говорил попик. — И не только к блинам да маслицу. В этом празднике древний обычай — просить прощения у ближних за нанесенные обиды...

Но масленицы все-таки не было — едва дотянули до проводов русской зимы, где вся деревня перепилась.

И треск льда и неожиданный крик вырвали меня из задумчивости. Я глянул на реку и обомлел: как раз в том месте, где святили воду, торчали из полыньи две косматые чурки, прибитые течением к самому краешку льда. Я не сразу, но сообразил, что это были не чурки, а головы «пришельцев», оказавшихся в тяжелой воде. И тут меня сковало таким жгучим ужасом, что я не сомневался уж в том, что тоже нахожусь в воде. Душа во мне, как в гробу, перевернулась. Но с реки позвали:

— Неси плаху!

Немного приди в себя, я кинулся к старому мосту и отыскал там длинную доску. С этой доской я осторожно ступил на синюю, пузырящуюся тропинку.

Сделав два-три шага, я опять услышал:

— Ты не ногами, — ползком давай, ползком. Иначе сорвешься в воду.

Это говорил Пахан. Власика, кажется, уже замывало под льдину.

Я полз к головам «пришельцев» и чуть ли не носом толкал впереди себя обледеневшую доску. До тонувших было метров пятнадцать. Они тонули как раз в том месте, где сосунки купались летом: вода здесь доходила таким, как я, до пояса. Может, поэтому мне удалось подавить в себе дикий ужас. И я полз.

Добравшись до места и цепляясь всем телом за тропинку, я осторожно подал конец доски Пахану. Но тот не принял ее рукою — уцепился, выкатив глаза, зубами. Он поскуливал и постанывал, невольно возвращая меня к прежнему ужасу.

И тут я глянул перед собой: Пахан и Власик уцепились посиневшими руками за неровную кромку льда и, казалось, не дышали. Они боялись не только говорить, но даже дышать. У Власика были собачьи глаза: в них застыла мольба. Нет, не ужас, а именно мольба. А мне, дураку, всегда казалось, что Власик с Паханом — ухаи, и им любая беда по плечу.

И вдруг я увидел воду. Сильная и черная вода у кромки вилась и тугими, толстыми веревками уходила под лед. Эту силу нельзя было победить — она скопилась за много верст отсюда и вдруг пошла ломить стеной, сметая все на своем пути. Меня охватило оцепенение, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Ухвати, казалось, меня за ухо и я тут же сползу в ледяную пучину.

— Дай руку, — почти шепотом попросил Власик, будто берег силы для того, чтобы не дернуться, не рвануться наверх, а терпеливо держаться за кромку льда и ждать.

Они оба были тихими, оцепеневшими и прямыми на отлете, как бревна. Даже в лицах никаких движений — напоминали о далеких мертвецах.

Стуча зубами, я потихоньку начал отползать к берегу. Дикий ужас перед черною водой толкал меня от полыньи, в которой должны были утонуть Власик с Паханом. Я ничего не мог с собой поделать, потому что потерял разум.

— Дай руку, дай руку, — умоляли меня собачьи глаза, следующие за мною. — Дай руку...

Они только отталкивали меня, а не приближали; я боялся вместе с ними уйти под тяжелую эту льдину, где уже не будет ни воздуха, ни хлеба, ни земли, ни лошадей, будоражащих сонные окрестности топотом и храпом. Там меня раздавит и задушит дикое жестокое чудовище, а я не хотел умирать...

— Держитесь, мужики! — кричали от моста изюкские прихожане. — Держитесь!

И резко, хлестко, как кнут, лопнула у моста одна доска, другая. Когда я поднял голову и привстал на колени, то с облегчением вздохнул: прихожане срывали настил и с плахами наперевес бежали в мою сторону. Они, как и я прежде, хотели подобраться к полынье по тропинке, еще не просевшей во льду. Я был рад их появлению, как будто они не «пришельцев» будут спасать, а меня.

— Чего плачешь-то? Не надо теперь плакать. А ну-ка, посторонись.

И двое, волоча за собой доски, поползли к тому месту, где я оставил свою, за которую по-прежнему держался зубами Пахан.

Ступени

Кто-то гасит и гасит костер.
 Ночь темна.
 Ночь попрятала тени.
 Слышу, тайный ведут разговор
 истомленные веком ступени:
 — Кто здесь ходит среди тишины
 по кровавым дворцовым чертогам?
 — Это дряхлый властитель
 страны —
 неприкаянный, брошенный Богом.
 — Что так тяжело, неверно идет,
 что дорогу не может осилить?
 — Потому, что дорога ведет
 к одинокой бесславной могиле.

* * *

Не до сказок сегодня Кавказу...
 В молчаливом строю подошли
 к блокпосту,
 не оставив ни разу
 тяжкий след в придорожной пыли.

Подошли и стоят на границе
 между светом и тьмой до утра,
 смотрят молча в солдатские лица
 и в багровые угли костра.

А под утро исчезли,
 и ветер
 полувнятно шепнул над постом:
 «Мы погибли за вас в сорок
 третьем,
 вы за нас — в девяносто шестом».

Партизан

Взять бы да горько заплакать,
 горе в душе не носить.
 Выплетет бабушке лапоть:
 нечего больше носить.

Так ему муторно станет:
 гибнет родная страна;
 из-за божницы достанет
 в белом рядне ордена.

Постной наварит похлебки,
 с голым простится двором
 и в партизаны по тропке
 двинет, как в сорок втором.

Долго со старой двухстволкой
 будет стеречь подлецов —
 там, где шныряет на «Волге»
 наглый парнишка Немцов.

Слабый заряд у ружьишка —
 только царапнута сталь.
 Так и умчится парнишка
 в импортной «Волге».
 А жаль.

* * *

Приходит ночь, и злые духи
 спуют в серебряных авто.
 Бредут старухи-побирухи
 домой в истрепанных пальто.
 Гремят рулетка. Карты свищут.
 Злаете цепи на дубах.
 Не пахнут баксы. Вязнут тыщи
 в забриллианченных руках.
 По дорогом режет плугом
 кровавый рынок, как ножом;
 и засбоила, сбилась с круга
 четверка резвых на Большом.
 Наглеет двор. Борис болеет.
 Разор и смута на земле.
 Приходит ночь, и все тусклее
 мерцают звезды на Кремле.

Площадь

Центральная площадь.
 Темно над страной.
 Россия в опале.
 Россия в тоске.
 Центральная площадь блестит
 чешуёю.
 Россия, как рыба лежит на песке.

Её потрошат.
 Её жизни лишают.
 Шпигуют в Россию
 заморский продукт.
 Наверное, скоро Россию зажарят
 и в виде кошерном с мацой подадут.

Дождя бы!
 Дождя бы!
 Как душно и тесно!
 Открыть, словно шлюзы, ворота
 Кремля.

Чтоб сердце омыло и Лобное место,
 чтоб русскою стала, как прежде,
 земля.

* * *

Спит равнина белым полотенцем.
 Засветили окна огоньки.
 Там купают матери младенцев,
 сказки внукам шепчут старики.

В сказках погибают злые звери:
 Муромец Илья разит копьём.
 ... Заграничный кот, поганый
 Джерри
 умер в телевизоре своем...

Увлекает сладкая завеса.
 Спит дитя, и сны его легки...
 Ну, а волки?
 Тут они — за лесом.
 Ждут куда, свесив языки.

* * *

Музыка ударила.
 Запели
 зыбкие унылые альты...
 Даже и вороны не слетели,
 даже не набрали высоты.

В апогее скорби и печали
 не гляди на чучела ворон,
 что привыкли, что взлетать устали
 от знобящих маршей похорон.

Не томись под хмурыми басами
 и не жди пока сотрется медь...
 Поднимись над темными лесами,
 породнись с родными небесами
 и не дай России умереть.

Дайте труб!
 Малинового звона!
 Дайте больше русского «ура»,
 чтобы сдохли черные вороны,
 чтоб минула скорбная пора;
 Чтобы и в Находке, и в Калуге
 снова стала русскою земля.
 Чтоб сверкнула русскою кольчугой
 площадь у заветного Кремля.

Кудеяр

Снова заказан в лесу
 путь на разбойничий яр.
 Снова на волжском мысу
 лодки смолит Кудеяр.

Словно из песни воскрес
 вольной ватагой пожить.
 Палят костры до небес,
 точат о камень ножи.

Вольно душе и светло:
 новых мытарят бояр.
 Вот когда время пришло —
 время твое, Кудеяр.

Если и сложит главу,
 то не за чье-то добро.
 Вот он глядит на Москву.
 Вот он смеется хитро.

г. Надым

Дровяной бизнес

Николай Николаевич с трудом оторвал голову от подушки. В голове мелькнула шальная мысль — с пьянкой надо заканчивать! — И тут же сменилась более реалистичной — где найти похмелиться?

Жена гремела посудой на кухне, готовя завтрак.

— Маш, а Маш! — подал голос Николай Николаевич. — У меня там ничего не осталось? — с надеждой спросил он.

— Как же! У тебя останется. Ты же такой экономный, — желчным голосом ответила та. — Ты даже стаканы вылизываешь. Вставай, черт лысый! Пойди-ка вынеси поросенку погреть да и корове ведро воды унеси, а я тут пока пирожки пожарю.

— Эх! Маша, Маша... Никакой у тебя жалости нет. Тут, можно сказать, человек помирать собрался, а у тебя никакого сочувствия.

— Я тебе сейчас как дам мокрой тряпкой, — повысила голос жена, — вставай быстро, и за работу.

— Ну чего ты ругаешься? Я же только спросил, — начал оправдываться Николай Николаевич.

Он прекрасно знал характер своей жены, поэтому, крихтя, встал с кровати и начал одеваться. В голове продолжал кружиться ветер, даже, правильнее сказать, вьюга, так как в хаосе мыслей выделялась и настойчиво билась о черепную коробку лишь одна: как бы похмелиться? Да, не надо было вчера самогон с брагой мешать, глядишь бы, я себя сегодня человеком чувствовал. Он помассировал виски и мешки под глазами.

— Маш, а у тебя рублишка дватри случайно не найдется? — еще смутно на что-то надеясь, спросил он.

— Ты, паразит, еще здесь? —

высунула из-за перегородки красное лицо жена, отерла тыльной стороной ладони обильный пот, и проворчала: — Я кому сказала — управляться! Быстро!

— Иду, иду! — подхватив ведро с толченой вареной картошкой, сдобренной горстью комбикорма, он пошел в стайку. Задав сена корове и овцам, он пошел на улицу к водопроводной колонке за водой, где встретился с соседом напротив.

— Здорово, Петро! — поприветствовал он.

— Привет, Николаевич! Ну, у тебя и видок! Краше в гроб кладут! Тебя бы сейчас сфотографировать, да по детским садикам фотку распространить, чтобы ребятишки конфеты не таскали. Тяжко?! — участливо спросил он.

— И не говори. Не то слово — вытер вспотевший лоб Николай Николаевич. — Трояк до полочки не займешь?

— У меня нету, а у моей мымры просить бесполезно, — сокрушенно развел руками тот.

— Слушай, Петро! У меня есть предложение — купи дрова.

— Дрова говоришь? — заинтересованно спросил сосед. — Надо с моей посоветоваться. А цена?

— Ты же цены знаешь! Для сельсовета по четыре двадцать готовили, а я тебе, как соседу, по трояку уступлю.

— А много ли дров-то?

— Да кубов пять в одной поленнице будет. Если будешь брать, то я мигом свой «Минск» заведу. Съездим, посмотрим. Дрова в том же лесочке, где и твои, только чуток подальше.

— Счас я сбегая к мымре, спрошу.

Услышав призывной свист, Николай Николаевич выкатил из сарая мотоцикл и, усадив на заднее сидение соседа, поехал в лес.

— Вот эта поленница, — показал он соседу. — А вон те дрова бригадира, а те Мишки-тракториста, что у речки живет. А вон те две поленницы тоже мои. Ну что? По рукам?!

— По рукам, — они ударили ладонями. — Поехали в село. Сейчас деньги вынесу.

— Слушай, Петро! Надо же это дело обмыть. Ты как?!

— Я не против, только на работе

отметиться надо. Я сейчас сала прихвачу, да луку нащипаю, — побежал сосед в себе во двор.

— А моя какие-то пирожки стряпает. Да еще чего-нибудь придумаю.

Отметив у бригадира свое появление на работе, и, затоварившись в сельмаге «Агдамом», они поехали за околицу, на природу, где успешно расправились до вечера с четырьмя бутылками вина.

Пришла зима. Установился санный путь, и крестьяне потихоньку-помаленьку начали перевозить дрова из леса к домам.

Однажды к вечеру Николая Николаевича поджидал у калитки его сосед.

— Николаевич! А где дрова?

— Какие дрова? — удивился тот.

— Ну, помнишь, летом ты мне дрова продал?

— Да, помню. Я же тебе показал тогда поленницу?

— Так ведь нету ее! Остальные твои дрова есть, а той, моей, поленницы нету.

— Так ты чего хотел, чтобы я твои дрова караулил? — удивился Николай Николаевич.

— Да, нет, — засмутился Петро. — Просто для меня удивительно — куда дрова делись?

— Так ты пройди во двор да посмотри, может я их в сарай спрятал.

А через пару дней прибежал еще один односельчанин с таким же вопросом. Вот тогда все и открылось.

Оказывается Николай Николаевич, маясь очередным похмельем, продал ту же поленницу дров еще раз, только на другой конец села. А осенью, когда в колхоз приезжали шофера на уборку картофеля, он продал эти же дрова еще раз одному из командировочных. Тот, по окончании уборки урожая, загрузил их и увез.

Николаю Николаевичу, учитывая то, что выручку от дровяного бизнеса он пропил с потерпевшими, все же пришлось выставить односельчанам, в виде компенсации морально-го урона, магарыч.

Черемша

Однажды по весне мой приятель, придя в понедельник на работу, похвастал, что уже побывал на рыбалке.

— Как?! Уже был на рыбалке, и без меня? Ты что? Чего же ты меня не позвал?! — возмутился я.

— Пойми, дружище, не моя это была затея. Меня позвали в компанию не просто так, а из-за того, что я места рыбные знаю. В пятницу, Васька (мы с ним в одной бригаде работаем), подошел ко мне в конце рабочего дня и говорит: «Поехали с нами на рыбалку, на Терек. Уже все приготовлено: черви накопаны, машина заправлена, котелок с посудой на месте. Но куда конкретно ехать они еще не определились — берег длинный, а в каком месте рыба лучше клюет, никто не знает. Поехали, а?»

— Ты ведь знаешь какой я насчет рыбалки заводной. Короче, заскочил я на минутку домой, схватил сумку с закидушками, шмат сала, пачку папирос про запас да коробку спичек. А теща вдогонку сунула еще банку с маринованной черемшой, мол, закуси, зятек, остреньким. Заскочив в магазин, я купил булку хлеба, две бутылки вина «Солнцедара», пару банок «Килек в томатном соусе» да пачку печенья.

Пока из Грозного добрались до станции Червленной уже за вечерело. Мы быстро разбили лагерь. Натаскали побольше валежника для костра и сели ужинать. Приняли по первой кружке «за открытие рыболовного сезона». Потом еще, еще и еще. Сало, конечно, срубало в первую очередь. Потом дело и до «Килек» дошло. У мужиков прям яма желудка открылась, не иначе. А может сама природа такой жор вызвала... В общем, когда вылизали все банки, я вспомнил про черемшу. В темноте, в гряде вещей отыскал банку, открыл, и... пиршество продолжалось.

А утро было такое паршивое... Сырость. Зябко. Во рту как на кошаре. Желудок рычит. Похмельится нечем. Решили поставить закидушки. Начали искать наживку, а ее нет. Куда делась банка с червями, никто не знает. Тут кто-то заметил банку с черемшой. Выяснив, что черемша была только у меня, все поняли, чем мы закусывали, и быстро — быстро разбежались по кустам. Меня так полоскало, так полоскало, что ливер до сих пор трясется. Вот такая получилась рыбалка.

Чудо-повар

Как издавна заведено у нас в экспедиции, пищу готовят рабочие по очереди, которую они сами устанавливают. К примеру, кто по три дня дежурит, кто по два, а кто-то и по неделе.

— Как-то в мою бригаду попал парнишка, Сеня Слюсарев. — Борис Петрович Красносельцев рассказывал своим

Добрый улов.

друзьям одну из историй, случившуюся на полевых работах. Таких историй он помнил невероятное количество, и умел так их рассказывать, что все его слушали затаив дыхание. — Работали мы тогда в среднем Приобье. Строили пункты триангуляции. Бригада была большая — аж семь человек. Ну, вот подошло дежурство Сени. Он утром встал пораньше, как учили, и разогрел остатки ужина, я уж не помню сейчас точно — борщ там или щи, ну и чайничек мой знаменитый — семилитровый — заварил чайку. А потом, когда мы начали собираться на работу, он и спрашивает:

— Петрович! А чего вам на обед приготовить?

А поскольку мы уже сигнал подняли, то, сами понимаете, тяжелой работы уже не было, да и щи-борщи баночные нам надоели, мы заказали ему рисовую кашу.

— А как варить-то?

— Что как? — не понял я.

— Кашу как варить? Я ведь не умею. Я же после школы сразу в армию ушел, а после армии к вам в экспедицию. Так что в поварском деле я полный профан.

— Налей в кастрюлю воды, а когда закипит, бросишь три кружки риса. И следи, чтобы не пригорела.

— А как следить?

— Да почаще помешивай. Вот тогда каша и не пригорит. А в конце варки, когда попробуешь разварился ли рис, добавь пару банок сгущенного молока.

— А еще что нужно добавить?

Мы переглянулись с ребятами, а вы знаете этих архаровцев, вот тут я и увидел очередной полет фантазии. Один говорит: добавишь соли и лука, другой — черного перца, третий — лаврового листа.

Короче, часа через три мы вернулись на обед. Заглянул я в кастрюлю и не смог понять, что за блюдо приготовлено. На вид вроде бы молочная рисовая каша с изюмом. Но откуда у нас изюм взялся? Попробовал. Оказалось

это сухой лук. А Сеня такой гордый стоит, вопрошающе на меня смотрит, мол, как оцениваешь? Потом и говорит:

— Вы, однако меня разыграть хотели. Я все положил: и лук, и соль, и сгущенку, и лавровый лист, а вот перец не стал ложить. Думаю, ну зачем в сладкую кашу перец нужно добавлять? Наверняка решили разыграть, но вам это не удалось.

— А у меня тоже один сезон работал такой чудо-повар, Миша Мослаков. Вы тоже все его хорошо знаете, — вступил в разговор Витя Петров. — Я тогда на севере Тазовского полуострова работал, нивелировку гонял. Продукты подходили к концу, и я их больше не заказывал, так как завершал работу на этом объекте. И дежурство ребята исправно несли. Тушенки оставалось ящика два, а вот хлеба и круп совсем мало. А вот рыбы было море. У меня две драных сетки стояло, так озеро Сор баловало нас то щекуром, то пыжьяном. Мне даже удивительно было — в один день в сетях только щекур, а в другой день — пыжьян. Вертолет должен был прилететь изо дня на день, чтобы вывезти нас на базу партии в поселок Тазовский. Был конец августа, и с вертолетом начались накладки — собирали школьников по тундре. И вот в один из дней, рано утром лежим мы в спальнях мешках и нежимся. Вставать-то неохота. Утрами-то уже стало прохладно. Я включил свой «Карат», и жду сеанса радиосвязи с базой партии. Мишка крутился, вертелся в своем спальнике, а потом и спрашивает меня:

— Начальник! А что сегодня готовить?!

— От хера уши!

Он помолчал с минуту или две, а потом и говорит:

— Так ведь у нас масла нет и сковородка грязная!

Такого смеха я больше нигде не слышал. От нашего взрыва хохота я думал, что палатка на воздух взлетит.

А Мишка так обиженно протянул:

— Да я ведь точно знаю, что у нас масла нет!

Шюмев литературная

БАЗАР

Поэма

1

Зимнее солнце багряно садится в сугробы,
 Кипень поземки в окошке куделится, дышит.
 Кинешь в печурку полешек березовых, чтобы
 Было теплей. Через час уже горница пышет.
 Станут у мамы мелькать за вязанием спицы,
 Мыкать телок и дымиться отца самокрутка.
 Бог Саваоф будет мирно дремать на божнице,
 Волк не застреленный выть за околицей жутко.
 Хрумкают сумерки квашеной — в бочке — капустой,
 Паром картошки исходит чугун полведерный.
 Соль на столе. А вот с хлебушком скудно, не густо.
 Но доживем до целинной эпохи задорной!
 Вот еще годик, другой и — достаток вернется.
 Сталин в Кремле, потому и не будет иначе.
 Любо смотреть, как чухонец лощеный клянется
 В дружбе к России... А «шмайсер» на хуторе прячет.
 Видно, и нас не минуют военные громы,
 Глянь, «суверенов» повсюду расставлены мины.
 Вот и евреям создали Израиль искомый,
 Пусть себе едут и смотрят свои палестины,
 Рубят жильё, комбинаты возводят и домы.
 Только все чаще роятся иудовы слухи:
 Сталин умрет, волонтерами «пятой колонны»
 Вновь они вздыбят зловещую гидру разрухи.
 Слухи пока лишь... А вечер все длится. И длятся
 Жаркие схватки, победы и горести — в книжке.
 Вьюга в окошке. Но — чу! Там в ворота стучатся!
 Это цыгане. Вот — куча мала! — ребяташки.
 Ну, заходите! Бывают «ташкентцы» на свете!
 С кучей подушек ввалили и радости ворох!
 Батяка семейства — две Красных Звезды на жилете! —
 Сразу, понятно, сошелся с отцом в разговорах.
 Все поуляжется, стихнет к заре деревенской.
 Утром, лишь свист, и умчат в свои дали цыгане,
 После, потом — приблизится в печали вселенской:
 Ах, ведь могли, и меня полусонного — в сани!
 Ах, ведь могли... И не знал бы «реформ» и «застоя»,
 Толком не ведал бы о поэтическом даре,
 Честно считал бы, что время пришло золотое,
 Вроде кацо продавал бы урюк на базаре.
 Нет, миновало... На все, видно, промысел Божий,
 Вдосталь и так нахлебались недавней Голгофы.
 Вышел я в мир, очарованный утром погожим.
 Кто тогда ведал о нынешнем дне катастрофы?!
 Вышел я в мир. Из сугроба торчал конопляник.
 Каждый забор был украшен вешуньей-сорокой.
 Шел я и шел по земле — очарованный странник! —
 Пашню пахал и в моря зарывался глубоко.
 Мог бы и в космос! Но дел там не выпало срочных.

2

Парус поднял и прошел все порты знаменито.
 Всласть торговался на ярких базарах восточных,
 Думал, о Господи, сколько лежит дефицита!
 Вольные мысли... Бывали там — выговор, взбучка.
 Главное — цел! И надев сингапурские «шкары»,
 С борта сошел: а в Отчизне такая ж толкучка —
 Жвачка, и «сникерсы», и вперемешку гайдары.
 Сколько их сразу набухло во вражеском стане!
 Враз продала нас кремлевская сытая свора.
 Лучше б тогда уж меня умыкнули цыгане,
 Лучше б утоп я в родных окуневских озерах!
 Меченый дьявол и прочих мастей пустозвоны
 Всласть уж топтались на бранных останках Союза.
 Лучше б меня Филиппинского моря циклоны
 Смыли за борт, растерзав под винтом сухогруза.
 Нет, миновало... Иная нам выпала повесть —
 Наставать заново русскую честь и отвагу.
 В «новой Расее», где все продается, и — совесть,
 Выход один: Сталинград! И за Волгу — ни шагу!
 Дело уж к вечеру. Думы испытанной пробы.
 Вот я, поживший, стою на краю тротуара.
 Зимнее солнце садится в дома, как в сугробы,
 Слово бы в ад, кровенеют ворота базара.

Сколько товаров, на ценники глянуть хотя бы,
 Возле ларьков — атмосфера рыбацкой путины.
 Гоголь вздохнул бы, прикинув базара масштабы:
 Редкая птица достигнет его середины!
 Как плагиат, здесь гонконгские «щели» и «ниши»,
 С верой в навар, по-китайски улыбки зубы.
 Две только разницы: там для прохлады «кондишен»,
 Здесь же торговцы дубеют в романовских шубах.
 «Друг, заходи!» — и с улыбкою слаще варенья,
 Кличет один, воссияв из ларька-палаккина.
 Русский доцент и вчерашний учитель черчения
 Рядом бодрятся с челночным шмутьем из Пекина.
 Глянешь, прикинешь, немеют рассудок и чувства:
 Что за бюстгалтер? Войдет два ведерка картошки!
 В целой РФ не найдется достойного бюста,
 Разве, в глубинке, и то при хорошей кормежке.
 Дальше, как с силосом ямы, раскрыты баулы —
 Сытый товар и серьезней зазывные трели,
 Запах ядреный — набор кожухов из Стамбула.
 Сдуру примеришь, тепло, как с турчанкой в постели!

Сколько я знал знаменитых мехов! Но бараньего
 Не было лучше — на шапки и варежки царские!
 Или — ондатра с озер! С одного лишь Кабаньего
 План годовой закрывала в морозы январские.
 Край мой охотничий! Щедрость озер. А леса его!
 Лисы, зайчишки! Их тропы, как грамота ночная.
 Глянешь теперь на пушнину бород «под Басаева»: —
 «Друг, заходи!» — а в прищуре тоска пулеметная.
 Что говорить тут! За русский народ не ответчики —
 Ни радикалы, ни власти валютная братия.
 Входишь в «структуры», все те же сидят партбилетчики,
 Вместо марксизма макают тебя в демократию.
 Нет, уж, увольте! Хоть здесь налегке путешествую,
 Грозью цыганок оброс, как афганец «лимонками».
 Батюшки-свет! Как предтеча второго пришествия,
 Бывший райкомовец ходко торгует иконками.
 В крылышках, в нимбах — тут вся олигархия райская,
 Нынче — лафа. ФСБ за кордоны не вытурит.
 Да и Сибирь — это вам не пустыня Синайская,
 Круче «телец» и мощней фарисей и мытари.
 Были и нет! — легионы охранных ораторов,
 Пали чекисты, скукожилась «наша» милиция.
 Кто половчее, освоил дуду «реформаторов»,
 В меру стараясь, а — вдруг победит оппозиция?!
 «Ладно, земляк, дай иконку, вот эту, с Николаю! —
 Мелочь сую, как туземцу стекляшечки с бусами, —
 Выстоит Русь?» Он кивает головкою квелюю,
 Выдохнув так, что — ищи огурец и закусывай.

Дальше, о диво! О дева! Юбочочка куца,
Презервативы колготок и глазки алмазовы.
Вся из себя, сексуальная вся революция,
Задом покрутит, балдеешь, как шприц одноразовый.
Тут — не слабо! И таких в телевизоре вечером
Полный букет, НТВ с ОРТ состязаются.
В корень смотрел с ускореньем и гласностью Меченый:
Только и дел, что торгуют, жуют, раздеваются.
«Друг, заходи!» — вот уж третий в приятели мылятся.
Что ж, я привык дипломатия гнуть с иноземцами.
Гнев всенародный кипит и когда-нибудь выльется, —
Где вожаки?! Да все там же, в торговле, в коммерции.

3

Бизнес, о бизнес! (Нет тямю, пойд и поплачь).
Факт налицо: дефициты фарцовые канути!
В сквере, где раньше взмывал по-над сеткою мяч,
Нынче шнуры, словно струны реформы натянута.
Э-э, не смущайся! Народ — оторви тут да брось,
Всюду бывал. Вон глаза, как подшиники-ролики.
Тампаксы, памперсы, трусики — видно ж насквозь! —
С Польши, конечно. И здесь преуспели католики.
Тополь-коряга, ты помнишь, была тут скамья?
В пору июня сидел я с есенинским томиком.
Нынче — прилавок, развал, вавилоны белья,
А по теплу, по ночам, упражняются гомики.
Рыночный курс! Он хитер и весьма вороват,
Строго хранят его смуглого облика «визири».
Как ГОЭРЛО, поддержал его электорат,
И паханат — до дебилов донес в телевизоре.
Три-на четыре — рекламное чудище-блеф:
«Пей кока-колу!» (В загранках напился, не жажду).
А в углолке — листовочка КППФ:
«Не поддавайтесь! Имейте понятие, граждане!»
Я то имею. А массы опять — в дураках.
Вот и взываю: проснитесь! — за Родину ратуй.
«Белым» — смешно ведь! — считался при большевиках,
«Розовым» нынче! — у всех нас судьба полосатая.
Жил бы в 30-х, в шинели б ходил, как нарком.
Но и — в тельняшке! — отважно метафоры копятся.
Улицей Ленина топаю хрустким снежком, —
Что-то евреи названье сменить не торопятся?!
Модное ретро! Но, глянь, новорусская статья, —
Важная дама, плацдармы для страсти обильные:
Сколько несчастных копытных пришлось ободрать,
Чтобы покрыть эти плечи и грудь сексопильные?!
Дальше — бомжихи, носы, как в обивке гробы.
Гей, демократы! Вы страсть как пеклись о сословиях!
Эти «графини» в подвале, у теплой трубы,
Тоже кайфуют — в антисанитарных условиях.
Улица Ленина! Каждый себе — индивид.
Не ожидала? Ну что же, прими паче чаянья:
Тихою куклой таджичка-беглянка сидит,
Шепот арыка в глазах ее спекся с отчаяньем.
Эх, далека, велика — эсенговая ширь!
Столь тубетеек от Каспия-моря — до Беринга!
Чуют мотыжники: лучше уж к русским в Сибирь,
Но не в Украину, где сало да вильная Жмеринка.
Сам на пределе. замкнулся в себе, как в броне.
Кто посочувствует? Клен или тополь-уродина?
Мне бы вот тоже — ко крестным в Каракас. Но мне
Пишут оттуда: «Ты счастливей нас, ты — на Родине».

4

Продано. Продано. Все! Даже в парке снега.
Даром снежок не скатаешь, не бросишь играючи.
Вот бы на Север, в другие снега — в округа,
Умных олешек каслать да и жить припеваючи!
Эк, размечтался! Недавняя «дружба по гроб»
В смутную пору — былая агитка, не более.
Юра Неелов и тот, как восточный набоб,
Вряд ли припомнит, как вместе пеклись в комсомолии.
В древнем Обдорске он сел на Полуе-реке,
Вроде князьца, в суверенном своем губернаторстве,
Газовый крантик зажал в комсомольской руке,
Сменится власть, уличат молодца в узурпаторстве.
Времечко, время! Шумит, как худой унитаз.
Бритоголово мерцают братаны и кореша
Что им романтика — та, что возвысила нас?!
Руки умыли. Ну, что ж, с облегченьем, нувориши!

Продано. Продано. Все! Даже стыд и позор.
Бонзы обкомов — не бонзы, «хозяева справные».
Сытые офисы их флибустерских контор,
Ладан курия, освятили попы православные.
Шапку, что ль, о земь? И с криком «спаси-сохрани!»,
Кровью умывшись, сразиться с ворьем и пройдохами,
Только не сдаться, как Гипротюменский НИИ,
Тот, что осыпан лотками-ларьками, как блохами.
К свету зову. А в изданиях — тень на плетень,
Быстро привыкли к вранью и повадкам одоныхей.
Кто-то рискнул и рублевку кладет за «Тюмень
Литературную» — в ней я крушу гайдаренышей.
Кто-то узнал меня, давит прищуром, как рысь,
У-ух, ненавидит! «Мотай, говорю, пошевеливай...»
Ладно еще, что поэты не все продались,
Но конформистов до жути полно, хоть отстреливай.
(То ль еще будет... Вон митинг пошел на редан,
Близ Ильича расправляет он флаги багряные.
Редкий оратор ворью не сулит Магадан,
И не грозит набить «эти хари поганые».)
Грустно, конечно: прибудышам рифмы не впрок,
Бездари эти припомнят мне строки скандальные.
Раньше бы, тьфу, поматросил-гульнул вечерок,
Бросить пришлось, даже «пойла» пошли самопальные.
Продано. Продано. Все! И растоптано в прах.
Время, как бомж, что торчит на скамейке-колодине.
Сколько в тельняшке еще продержусь на ветрах?
Но не забуду: «Ты счастливей нас, ты на Родине!»

5

Зимнее солнце садится в дома, как в торосы,
Мрак исторический прет, как волна штормовая.
Словно в 17-м, слышите, братцы-матросы,
Также бескровно почтают городской занимаю.
Ну, посылай, говорю, — ситуация схожа! —
То, что успел застолбить и ко огласке готово.
Ельцину? Не-е. Беловежец совсем ненадежен,
Лучше своим — на родное село Окунево.
Жил бы отец, поддержал по-гвардейски бы: «Бросьте
Мучить народ, ведь таких мы вершин достигали!»
Нет уж бойца. Поспешил он залечь на погосте,
Ночью в шкафу лишь звенят на мундире медали.
Грустно звенят... Под крестом православным и мама.
Редко — крестов. Больше звездочек, все — фронтовые.
Там солковы уж — в трудах! — подустали немало,
Я бы сменил их. Но только б внимали — живые!
«Что ж, земляки!» И быть может, окстятся и внемлют,
Раз хоть поверят тревожному слову поэта?!
Мать бы их за ногу, что они ждут еще, дремлют,
Буркалы пая на власовский флаг сельсовета?!
Кончились жданки. Да! Катится молох развала:
Вырезан скот и не сеется в поле пшеница.
Силую понять я: кукушка ль беду куковала?
Или Пророк нас зомбирова, мча в колеснице?
Рад бы поверить, что сплошь — «цереушные планы»,
Рад бы и пьянство списать на «масонские козни»,
Если б масоны силком нам плескали в стаканы,
Иль принуждали растаскивать склады-завозни.
Ну, земляки! Ну припомните сами, не труся,
Как мы хлеба поднимали на наших увалах:
Строем «ДТ» шли с плугами, потом «Беларуси»
Сцепки борон волокли — урожаем на славу!
Самый удачливый шел в том напоре былинном
С пламенным флагом на пыльном горячем капоте, —
С нашим, победным! Он гордо парил над Берлином!
Неповторимо. В державном и сталинском взлете.
Что же теперь — при свободах? А речь о продаже
Русской земли — покупай, мол, гектары любые!
Разве не ясно, что нету коммерции гаже?
Это же полный аншлаг, земляки дорогие.
Где ваши вилы, как в том феврале, в 21-м,
Грозные пики, что гневом, не водкой налиты?!
Ельцин, конечно, ОМОНЫ наускает. Нервы!
Нервы шунтами у всей демократии шиты.
Родина! Грустно... Я сам в этой гадской, кротовой,
В жизни сумрной, накаляюсь гремучей гранатой.
Как амбразура, зияет и ящик почтовый...
Хватит базара! Не наш еще год 45-й.

Промысел Божий, направляющий волю и пути человеческие, привел нас к кресту распятого Николая II, и как бы говорит: Смотри, Познай и Раскайся.

Милосердный Боже, прости намъ тяготеющій надъ нами тяжкій грехъ царубійства и вся согрешенія наша.

...Господь послал меня помазать тебя царем над народом Его...

(1 Царь. 15, 1)

В 1998 году все православные русские люди отмечают: 385 лет со дня основания Дома Романовых, 130 лет со дня рождения Российского Государя Николая Александровича Романова и 80 лет со дня ритуального убийства Царя, его семьи и оставшихся верными ему слуг — простых русских людей.

* * *

... О Николае Втором так много литературы, такой полярной (или только дурное, или только восторженное), что надо быть очень осторожным в оценке фактов биографии, исходя из убеждения, что истина всегда находится посредине.

Станислав Говорухин

* * *

Держись же, Россия, твердо Веры твоей и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия, безначалия и не хочешь лишиться Царства и Царя Православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпал от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией, или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга...

Святой Праведный Иоанн Кронштадский, 1907 г. от Р. Х.

* * *

Президент и его демократы есть царство зверя, они привели страну к хаосу, братоубийству, беспорядкам и голоду уже не за горами. Поймите наконец, никакие демократические реформы не работают, никакие валютные вливания не оживят умирающую экономику — это лишь новая приманка, удавка на шею народа...

Да пошлет Господь России вместо правителей бесчестных, Помазанника Божия, Царя Православного, да будет вновь Россия домом Богородицы, Святой Русью!

О. «Россиц «Своякое слово Руси», 3 (411), США.

Граф Д. С. Шереметев

С ГОСУДАРЕМ НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

В сфере неприятельского огня

Был я в ту знаменательную поездку дежурным при Государе, когда он, после долгих колебаний генерал-лейтенанта Иванова, уже будучи Верховным Главнокомандующим, настойчиво требовал, чтобы его допустили до передовых окопов наших пехотных расположений. Генерал Иванов боялся взять на себя эту ответственность. Но Господь Бог, видимо, благословил желание Государя: с утра пал сильный туман и дорога, ведущая к окопам и обстреливаемая неприятельской артиллерией, стала безопаснее.

Генерал Иванов настоял, чтобы было не более трех автомобилей. В первом ехал Государь с Наследником, во втором — Воейков со мной и в третьем — Иванов с министром двора Фредериксом.

Окопы были заняты одним из наших пехотных полков, насколько помню — это был Модлинский полк. (Полное название: 57-й пехотный Модлинский генерал-адъютанта Корнилова полк).

Машины остановились. Дальше надо было идти пешком. Государь приказал Цесаревичу хранить полное молчание.

Рота солдат, вынырнувшая из окопа и возвращавшаяся на отдых, с удивлением узнала Цесаревича Алексея Николаевича. Надо было видеть радость и изумление на лицах солдат, когда они поняли, что перед ними сам Государь Император с Наследником.

Возвращение из сферы огня окончилось, слава Богу, благополучно. Государь был в отличном расположении духа.

Приехали в глубокий тыл, где состоялся смотр корпуса генерала фон Бринкена. А затем направились в окрестности Тарнополя для смотра «Дикой дивизии», которой командовал Великий князь Михаил Александрович, и другого корпуса, также входившего в состав армии генерала Иванова.

Помолование разжалованного

По окончании третьего смотра, который так же как и предыдущие два прошел блестяще, корпус на обширном поле построился в каре. Государь, находившийся на шоссе, горячо благодарил генерала Иванова за все, что он видел. Тогда последний обратился к Государю с просьбой. Он доложил, что в рядах одного из пехотных полков состоит разжалованный полковник. Его разжаловали за то, что при исполнении служебных обязанностей он дал пощечину одному генерал-майору.

Будучи уже рядовым, этот полковник воевал на фронте и заслужил все четыре степени Георгиевского креста и всеобщее уважение в своей части. Иванов добавил, что если Государь соизволит его помиловать, то это принесет радость всему корпусу.

Государь с видимым удовольствием приказал вызвать из рядов бывшего полковника. И тут произошла незабываемая картина.

Полк, в котором служил этот рядовой, в выстроившемся каре стоял напротив места, где находился Государь, то есть в самом отдаленном от него пункте. Генерал Иванов, выйдя вперед, мощным голосом прокричал:

— Его Величество Государь Император требует к себе рядового Н-ского полка, — и назвал его фамилию.

Эта команда, подхваченная ближним начальством, пошла по всему фронту выстроенного корпуса, и, перекатываясь все дальше и дальше, потонула наконец где-то далеко, на самой окраине поля.

Корпус замер. Взоры тысяч людей были обращены на Н-ский полк.

И вдруг мы увидели, как от самого дальнего фронта отделилась ма-

ленькая серая точка. Все ближе и ближе продвигалась она через это необъятное поле. Наконец обрисовался облик бегущего с винтовкой в руках солдата в защитной шинели. Подбежав к канаве и перепрыгнув через нее, запыхавшийся солдат подбежал к Государю и вытянулся перед ним. Это был уже молодой человек с проседью. Лицо его, несмотря на бег, было смертельно бледно, а глубокие глаза его впились в Императора.

Государь, посмотрев на рядового своими лучезарными глазами, с присутствием ему одному лаской и мягкостью в голосе, спокойно сказал:

— Генерал-адъютант Иванов просил меня, в воздание ваших героических подвигов, простить вам вашу вину. Возвращаю вам ваш бывший чин полковника и благодарю вас за службу.

Я смотрел в лицо полковника. Он задрожал с головы до ног. Крупные слезы потекли из его глаз, и прерывающимся голосом он воскликнул:

— Ваше Императорское Величество! Я жизнь свою отдам за Вас!

Мы стояли потрясенные и до глубины души растроганные. Генерал Иванов платком утирал слезы, а я с трудом сдерживал свое волнение. Меня умилил Государь и потряс своим спокойствием, выдержкой, силой духа. Такие минуты не забываются. Вот когда доброта и чудное сердце Царя выявились вочию перед нами, свидетелями этого необычного происшествия.

Посещение раненых

Вечером, когда мы возвращались из этой экспедиции, туман становился все гуще и гуще. Автомобиль Государя как всегда шел быстрым ходом, и в этом тумане наша с Воейковым машина отделилась от впереди идущей. Когда мы подъехали к царскому поезду, то к нашему изумлению оказалось, что Государя еще нет. Мы страшно забеспокоились. Но в скором времени было получено приказание поезду двинуться на ближайшую узловую станцию, где уже находился Государь.

Это неожиданное изменение маршрута по ошибке имело удивительное последствие. Вот, что нам рассказали очевидцы. Разобравшись по карте, решили ехать на узловую станцию. К этому времени зал ожидания на том вокзале был переполнен ранеными, вывезенными для эвакуации. Они лежали прямо на полу. Появление же Царя произвело на персонал, сестер милосердия и раненых потрясающее впечатление. Никто не ожидал его тут видеть.

Государь обошел раненых, с каждым разговаривая и спрашивая. Подойдя к смертельно раненному офицеру, он опустился перед ним на колени и свою руку положил ему под голову. Умиравший офицер узнал Государя, который сказал ему:

— Благодарю вас за службу! У вас есть семья?

Офицер тихо ответил:

— Жена и двое детей.

— Будьте спокойны, я не оставлю их, — сказал Государь.

Офицер с трудом перекрестился и промолвил:

— Благодарю, Ваше Вели..., — тут же скончался.

* * *

По возвращении в Ставку, в Могилеве, за пребывание в сфере огня Государю Императору его Армии был поднесен Орден св. Георгия Победоносца, а Наследнику Цесаревичу — Георгиевская медаль.

«NASHI VESTI» № 425/2726, USA.

Шюмень литературная

КТО ОНИ, «КАНДИДАТЫ В МОНАРХИ»

Уже давно в средствах массовой информации, в нашем правительстве и околоправительственных кругах идет монархическая свистопляска. То некий дебил называет себя Борисом I, забывая, что на Руси уже был один Борис (Годунов), которому снились «мальчики кровавые». То другой чижик в клетчатом пиджачке устраивает пышные похороны в Петропавловском соборе лицу сомнительного происхождения. То кудрявый мальчик — сексуальный конкурент Киркорова — возглавляет комиссию по идентификации чьих-то останков. (Видимо, все останки русских солдат, погибших в Чечне, и уже два года сваленные в рефрижераторах в Ростове, давно идентифицированы).

Вся эта возня имеет единственную цель: под видом поиска основ исконно-посконной Руси, попытаться закрепить в стране диктатуру личной власти. Пусть она будет даже монархия, но только пусть защищает интересы международного капитала. (Ау! Господа демократы, где вы со своими ценностями и народовластьем?). В этой возне все средства хороши. Даже прямое искажение и умалчивание фактов. Мы упомянем только два из них.

Так, например, много пишется и говорится о том, что злодеи-большевики с самого начала пытались всячески замести следы своего злодеяния — расстрела царя и его семьи. Но при этом стараются не вспоминать, что Николай II с чадами и домочадцами был арестован, заключен под стражу и под стражей же выслан в Сибирь (а не за границу) буржуазным Временным правительством. Что главной причиной расстрела царя была опасность того, что он станет знаменем, вокруг которого объединятся (а в объединении — усилятся) все контрреволюционные силы. И уж совсем мало кто знает, что вплоть до 1945 года на стене дома Ипатьева висела памятная доска, а в доме функционировал музей, в котором были выставлены вещи расстрелянной царской семьи. Сам же дом был снесен уже будущим кандидатом в Борсы Первые в одну из осенних ночей 1977 г. из-за, как было мотивировано, нараставшего паломничества людей, но, скорее всего, из-за стремления выслужиться.

Второй факт. Бывший мэтр, ныне парижский сиделец, Собчак носился, как дурень с писаной торбой, с кандидатом на российские императоры — великим князем Владимиром Кирилловичем Романовым. Не будем говорить о том, что этот Романов фактически не имел никаких прав на престол, т. к. был рожден от брака, не признанного Николаем II, ни Русской православной церковью. (Кстати, поэтому определенная часть

российского высшего дворянства считает эту ветвь Романовых узурпаторской). Попытаемся только выяснить политическое лицо Владимира Кирилловича. Известно, что осенью 1941 г., т. е. в разгар второй мировой войны, советский посол при союзных правительствах, бежавших в Лондон от гитлеровцев (Польша, Чехословакия и т. д.), получил письмо от министра иностранных дел польского правительства в эмиграции.

В письме говорилось: «Ссылаясь на наш вчерашний разговор, касающийся контактов Гитлера и Великого князя Владимира, я беру на себя смелость послать Вам прилагаемую при сем информацию по этому поводу, полученную недавно из одного источника, заслуживающего серьезного доверия». В «приложении», в частности, сообщалось: «В начале сентября с. г. (т. е. 1941 г. — ред.) было заключено соглашение между Германией и Российским Великим князем Владимиром, в силу которого Германия дала согласие на реставрацию монархии Романовых. Это государство должно было установить националсоциалистический и фашистский режим. Нерусские страны Советского Союза были бы объединены в новую Россию под единым персональным союзом... Во исполнение этого соглашения Великий князь дал указание белоэмигрантам сотрудничать со странами, находящимися в войне с СССР» (АВП РФ. ф 0122, оп. 25, п. 193, д.22).

Таким образом, в Петропавловском соборе по произволу Собчака похоронен не только «узурпатор» прав на российский престол, но и, фактически, изменил своей Родине. Те, кого он призывал к сотрудничеству с Гитлером, в свое время (генералы Краснов, Шкуро и т. д.) в 1946 году были повешены. Сам же он вышел сухим из воды и, отсидевшись в тиши послевоенной Европы, дождался императорских почестей от наших «демократов».

Вот так обстоят дела с претендентами на Российский престол.

Один — Гоша Гогенцоллерн — является внуком, прямо скажем, предателя России.

Другой — сам пытается напаять на свою пьяную голову императорскую корону.

И все они копошатся в чьих-то останках, полутно поливая грязью Советскую власть.

*В. Саблуков
Ленинград*

«Трудовая Россия» № 6 (65)

О МНИМЫХ «ЦАРСКИХ» ОСТАНКАХ

Так случилось, что не проявляя собственной воли, я оказался хорошо осведомленным о тех останках, которые упорно хотят выдать за останки царской семьи. В бытность мою на Архиерейском Соборе Русской Зарубежной Церкви, два господина, выдававшие себя за представителей правительственной комиссии Российской Федерации, показывали изумленным архиереям видеofilm «об обретении и опознании» «царских» останков. Мне не забыть чувство позора, которое я пережил во время просмотра. Как-никак мы — я и те господа — приехали из одной страны. Те представители, очевидно, рассчитывали на то, что зарубежные архиереи никогда в России не бывали, знают ее жизнь лишь по мемуарам тех, кто тоже уехал Бог весть когда... Но я-то приехал из той же самой страны, что и эти господа, и вот они мне, в числе других архиереев показывают березовый колонок, где березкам от силы лет 30-40, и говорят: «Вот та самая березовая роща, которая упоминается в письме Юровского, а вот та самая дорога... — а дорога-то ... обычная наша проселочная колея, которая образуется в наших краях после того как по земле проедет несколько машин. Потом «раскопки» — ничего общего даже с полевой работой студента-археолога. То же самое и с компьютерной «идентификацией» черепов путем наложения фотографий — впечатление такое, что делом занимались какие-то энтузиасты-дилетанты, а не эксперты-криминалисты. Я несколько раз вынужден был выходить из комнаты перевести дух, чтобы не взорваться от возмущения. К тому же те господа преподнесли всем архиереям со скверно изображаемым «благоговением» пробирки с «мощами». «Мощи» эти были ни что иное как обычная земля, назем.

Шюменъ литературная

Стоит ли говорить, какое возмущение вызвал у всех присутствовавших архиереев этот фарс. И как это можно называть работой правительственной комиссии, я не знаю! Впрочем, меня не перестает удивлять другое, а именно — почему подделка так вызывающе грубо делалась?! И один только ответ напрашивается: с целью подчеркнуть глумление над памятью расстрелянного императора.

В дальнейшем, мне посчастливилось присутствовать на заседании Архиерейского Синода, на котором доклад по тем же останкам делала зарубежная экспертная комиссия. Разница с «нашей» комиссией в профессионализме, в самой методике исследования была такая же разительная, как небо отличается от земли. Здесь я удивлялся только тому, с какой выдержкой и вежливостью почтенные господа, последние представители былой Российской интеллигенции, указывали на несостоятельность выводов федеральной комиссии и на недопустимые ошибки следствия по мнимым «царским» останкам. И каким образом им удавалось сохранять внешние спокойствие и вежливость, сталкиваясь с очевидной, вопиющей ложью и фальсификацией!

Повторяю, что во всех усилиях, предпринимаемых для общенародного и церковного признания безымянных останков святыми мощами Царственных Страстотерпцев, я лично вижу одно только желание — совершить подмену для глумления над всенародным покаянием и памятью Святых Царственных Новомучеников Российских от безбожников пострадавших.

г. Ишим

*Епископ Ишимский и Сибирский Евтхий,
настоятель Богоявленского собора.*

Александр Мищенко — 60 лет!

Дорогой Александр Петрович!

Примите сердечные поздравления в честь вашего юбилея — 60-летия со дня рождения! Событие в вашей жизни серьезное, знаковое, оно дает повод сказать о пройденном, отметить то, что было значительным, успешным. Член Союза писателей России, вы автор таких книг как роман «Большая охота», повестей «Ермаково подаренье» и «Выстрелы на Ильегане», книги документальной прозы «Диалоги смутного времени» и других произведений.

Вы всегда были и остаетесь на острие времени, работая на благо Отечества. В вашем активе добрый трудовой путь изыскателя газотрассы Игрим-Серов, корреспондента газет «Тюменский комсомолец»

и «Тюменская правда», сотрудника института Сибирьиниипроект, руководителя литературного объединения «Факел». Сегодня как писатель, как журналист вы активно и плодотворно работаете на пользу Отечества, России, не жалеете сил для воспитания молодежи. Желаю вам бодрости, здоровья, новых творческих свершений в многотрудном и благородном писательском труде!

Сергей Сарычев,

заместитель губернатора Тюменской области.

Александр Мищенко

Здесь русский дух

Змейкой вьется в пойме среди камышей и островковых ветел речка Савала, единя разброс домов — километрах на десяти — в село Троицкое. Одна половина его — Старожилье, идущее от корней живших тут с незапамятных крестьян-воронежцев. Другая — Московская часть, основанная высланными сюда при царе некогда за какие-то прегрешения «москвитанами». Дома в Троицком все на отличку — с высокими теремными крыльечками на улице. За сто-двести верст в округе таких не сыскать. А еще улицы в Троицком островные, стоят порядками своими, как махонькие деревеньки. И у каждой — свои лик и дух. В Московской части таких деревенок штук тридцать. Это Бычевка, Гусевка. Цепляевка, Котовка, Камышиновка, Шлеповка, Ощеровка, Заречная, Подречная, Луговая, Ненапочетка, Пролетарка, Берховка, Коломна. В Старожилье свои деревеньки: Конева, Тягуновка, Большовка... В ночи по пойме речушки вкривь и вкось — строчки огней электрических на столбах. От деревни к деревне — безогненные пробежки у них. Зимой и летом поют-выстанывают под ветром унылые песни свои провода. Днем объединяет улицы в целое солнце да оптика пойменных далей, в ненастье — шумы ветел и камышей, в звездистую ночь — яркая какая-то, сияющая почти как НЛО, звезда над маковой церкви и россыпь других звезд на всем пологе неба.

Здесь дух русский, и Русью пахнет.

Двое из толпы

На пыльной заплыванной площади негромкого одного городка, уместившегося на берегу речки, которой посвятили рекламные излияния души создатели «аа-тличной компании для вашего вачера» ХОПЕРинвест, напротив розовеющего в свете неяркого солнца божьего храма и мазаного серебряной памятки Ленину, уверенно указующему, как пройти в ресторан при гостинице, собралась толпа. День был базарный, и поглазеть на случившееся сбегались бабы, продававшие пуховые шали, оптовые покупатели сего товара цыгане, да пахнущие луком и пивом мужички из «Чайной». Тон событию задавал торжественно возвышающийся над головами взволнованных хоперцев двухметрового роста детина-милиционер с прямо-шильными огненно-рыжими усами. Сначала он молчаливо, густо посалывая, сдерживал земляकों. Те ж рвались хоть глазком глянуть на несчастную — дворнягу коচেгага госбанка Бульку. Ее задавил наглым своим УАЗиком самый стервозный инспектор местной ГАИ Кузькин, у которого было такое нутряное хобби — «давить этих подлых тварей», прокусивших ему в детстве ногу. Постовой почувствовал, что толпа может дознаться, кто же наехал на безобидную собачонку, раскоколит все по округе, а это может запятнать и его милицкий мундир. Куча галдящих хоперцев к тому же мешать уже стала движению автомобилей на вверенном этому милиционеру участке. И постовой, резко передернув шильца усов, с зычностью гаркнул: «Толпа!!! Разойдитесь, пожалуйста. Остаться только пострадавшим». Привыкшие почитать власть хоперцы быстро рассеялись. И в центре площади остались в одиночестве лишь детина-милиционер да задавленная собака. А ленивое августовское солнце все так же изливало бесстрастно-спокойный свет на городок и задумчивый тихий Хопёр.

Смерть Музыканта

Трогательно воспринимать в учителях человека, когда знаешь его как существо с золотистыми такими косичками, которое впитываешь как ауру. Ну, услышите: «Дядя Саша, я — учитель музыки!!!» Да, она, Танюшка закончила педучилище, сдала последний экзамен. Завтра у нее — выпускной. И — такой длинный и долгий экзамен, называемый жизнью, который сдает каждый. Так случилось, что он начался у девушки в эти же июльские дни. Папа ее, Юрий Константинович Васильев, один из лучших баянистов Тюмени готовил концерт в пионерлагере и почувствовал себя плохо. Дочка определила по телефону, что прерывистое у него дыхание. Юрию Константиновичу советовали перенести концерт, но он, лобастый крепш, был тверд и заявил: «Я обещал ребятам, что будет у них праздник сегодня, и слово сдержу!» И он вышел на сцену. Играл, как всегда, стоя, а не сидя на стуле: не мог позволить себе мастер такого, считая, что это унижает баян. Музыкант едва на ногах держался, но сыграл-таки две песни. И рухнул на сцене замертво. Повалился на спину после прострельной боли в груди. Слава Богу, хоть успел он дожить до той минуты, когда воскликнула дочка: «Папа, я уже учитель музыки-ки-и!» Успел порадоваться с Танюшкой и с любимой своей, ее мамой-Валей...

«...И суди самого себя!»

А все-таки грустновато, ребята, сознавать: 60 прожитых лет — высокие годы! Многие позади. И то, что ты успел сделать за этот жизненный срок, твое. Хорошо, когда добротное сделано. Для людей.

Но вот никак не могу поверить, глядя на Александра Петровича, что ему сегодня столько «наматало». Жизнерадостен, энергичен, полон творческих задумок. Активности в их осуществлении можно только позавидовать. Любому из нас, возрастом помоложе.

Не стану сейчас говорить о литературных достоинствах книг Александра Мищенко, это сделали уже или сделают литературоведы, критики, отметят заслуги, укажут на недостатки. Есть ведь то и другое, как у всякого литератора активно работающего...

Мне же очень импонирует беспокойная гражданская, писательская позиция А. Мищенко. Большинство его произведений, а они в своей основе — художественная документалистика, пережиты и выстраданы автором вместе с его литературными героями. Знаю, как он всегда загорался и легко поднимался «на крыло», отправляясь то в родную дальневосточную тайгу к интересным людям, то шагал вместе с егерями и охотниками по тайге тюменской, терпел, ради заветных строк, стужу на открытой лютым ветрам буровой, жил в палатке с рыбаками у озера Сорочье. А в самом начале биографии, не помышляя еще о литературном деле, работал топографом на изыскании трассы газопровода Игрим-Серов. Так подспудно «добывал», накапливал материалы для своих книг мой товарищ и коллега по литдеху. Многие стремились, но не всем УДАЛОСЬ.

Как Александр Мищенко загорелся писательством, не знаю. Мы вместе работали в начале семидесятых в «Тюменской правде» в отделах совсем не литературных: он в промышленном, я в сельскохозяйственном. У меня в ту пору была уже издана книжечка стихов, а Мищенко сыба «чисто» газетчиком. Скажем так, журналистом добротного уровня! И писателем он сделал себя сам. Да, были семинары молодых — областные, зональные, первые очерки в журналах. Потом пошли книжки...

Совсем не безоблачно сложились у нас однажды взаимоотношения. Были тому причины... И мы, размахивая «словесными мечами» (а какими еще?!), в открытую, по-русски, «надавали друг другу ощутимых туманов». И на долгие месяцы разошлись. Первым позвонил Саша. Это поступок. Я на него не мог решиться...

В предисловии к только что вышедшей новой книге А. Мищенко «Выстрелы на Ильегане» есть такие строки об авторе: «...исходил и объездил Дальний Восток и Сибирь... Много видел писатель, много знает, много передумал». И еще одна запоминающаяся строка из этой книги: «Хочешь спасти мир — вини и суди самого себя».

Шестьдесят лет. От души поздравляю активного автора «Тюмени литературной» Александра Мищенко с этой датой. Не сомневаюсь, что читатели встретятся с его новыми произведениями. Пожелать тому одного — работы. Все дается только трудом — Александр Петрович это знает не хуже меня. И, конечно же, здоровья! На данной жизненной высоте — это немаловажно. Для новых свершений.

Николай Денисов,

гл. редактор «Тюмени литературной»

РАЗЛИЧЕНИЕ

(Продолжение статьи «Дело наше ПРАВОЕ»)
Начало в «ТЛ» № 4 (46)

Различение — способность, даваемая Богом человеку. Обретя ее, человек способен осознать, что в его мировосприятии «НЕЧТО» отлично от остального. К примеру, Леший почти не отличается от людей, но наделен отрицательными «ЛЕВЫМИ» признаками: левая сторона запахнута на правую, левый лапоть надет на правую ногу, кривой на левый глаз, хромой на левую ногу.

При подведении итогов нужно иметь в виду одно: человек предполагает — Бог располагает, и задуматься, что есть промысел Божий, а он заключается в том, что наши дела, выражаясь современным языком, ПОВЕДЕТ в нужном НАПРАВЛЕНИИ и совершится, что должно совершиться. Не просто устройство наших земных дел, но небесных, ибо живая на Земле, мы в то же время и ЖИТЕЛИ НЕБА, и от того, насколько мы устремимся к НЕБУ, насколько будут ПОПРАВляться наши ЗЕМНЫЕ ДЕЛА.

А БЕЗ БОГА, как говорится, НАПРАСНО ТРУДИМСЯ! Народная мудрость гласит — Знай Меру. Да, наши предки знали Космический закон — Меру жизни — Жизнестрой, различали правый путь от левого (Бог создал всякую вещь и размерил ее Мерой).

Каждый человек имеет нравственное мерило, в соответствии с которым он строит свое поведение (т. е. живет по Ведам) прежде всего во внутреннем и, исходя из внутреннего, во внешнем мире. И горе тому, чье мерило не совпадает с Мерой, в которой протекает жизнь Мироздания в устойчивости и гармонии. Так, в древнеиндийском языке, санскрите, вообще не было термина, обозначающего ПРАВО, отличное от этического и религиозного содержания. В законе Ману говорится: «Злодеи думают: «Никто не видит нас», но их видят БОГИ, а также их СОВЕСТЬ (совместная, всеобщая весть + СО-ВЕСТЬ. О чем? О нашем солнечном (образнобожественном) ВСЕЛЕН-СКОМ происхождении).

У всех людей она одна. Не зависит от крови, ни от воспитания. Универсальный индикатор, позволяющий нам различать добро от зла. Когда говорят, что у каждого совести своя, то это ложь. И бессовестных людей нет. Если у кого нет ее, то это не человек. Мы всегда знаем, когда идем против голоса совести. Верно?

В мире накапливается с одной стороны ЗЛО, а с другой ДОБРО. И, вопреки всему и всем, ДОБРА больше. Накопление ЗЛА в мире — это и его гибель. ЗЛО, накапливаясь, разоблачает самое себя. БОЛЬШОЕ ЗЛО — это ничто, хотя оно страшит и угрожает. ДОБРО, накапливаясь, не вмещается в этом мире, оно уходит в вечность, потому что ДОБРО, накапливаясь, не вмещается в этом мире, оно уходит в вечность, потому что ДОБРО НЕ ВРЕМЕННО, а вечно, и здесь,

в этом мире, его остается немного. Поэтому близорукие, видя мало добра в мире, пугаются: ну, значит, конец. НО МАЛОСТЬ ДОБРА СИЛЬНЕЕ ОГРОМНОГО ЗЛА. Добро все-таки пока есть — значит, будем жить. Россия будет жить до тех пор, пока будет хоть один рассуждающий. Мыслью — значит существовать.

Если же это оскотинивание, «Поле чудес» (в стране дураков) будет продолжаться, будущего нет ни у кого. Массовая бойня всех сытых и «выживших сильнейших» по многим признакам намечена «мировым хозяином» (Глобальным Предиктором) на район 2000 года. Есть ли выход?

Выход у нас, ЛЮДЕЙ, есть и только один: каждому из барана стать ЧЕЛОВЕКОМ, всему обществу из состояния «толпы» перейти в состояние НАРОДА.

Где взять мертвую и живую водицу, которая издревле на Руси исцеляла даже убитых? Один из источников — ЯЗЫК, древнейший на ЗЕМЛЕ русский язык.

ЧЕЛОВЕК=ЧЕЛО—ВЕК — «существо, реализующее работу разума за время своей жизни»; ЧЕЛО—это лоб, разум; ВЕК — отрезок времени жизни. Правильно?

ЛЮДИ=ЛЮ—ДИ — «сверху данные». Почему? ЛЮ — это на праязыке «верх»: люстра, люкс, любовь; ДИ — множественное число прошедшего времени от ДА — «давать». Следовательно, не от обезьян. Это, те, кто от обезьян, живут по принципу «выживает сильнейший», «своя рубашка ближе к телу», «умри ты сегодня, а я завтра».

Историческая борьба жизни людей в Ладу с Богом, Божьим Промыслом и сатанинской античеловеческой концепцией подошла к развязке. Исход этой битвы — сохранение или ликвидация Жизни на Земле. Взгляните на российский герб, где с ЗАПАДА скачет всадник в латах, убивающий ДРАКОНА — символ силы и могущества РА-СЕИ, пришла пора и Георгию Победоносцу с Востока (СПРАВА) ударить по ЗМИЮ КРЫЛАТОМУ — символу ЗЛА и СМУТЫ.

Россия — поле боя концептуальной войны. Настало время вновь обратиться к своим истокам. Различить ПРАВЫЙ путь от ЛЕВОГО, различить древнерусское Крещение, которое произошло от ритуально очищающего огня КРЕСА, от того крещения, которое ведет свое происхождение от КРЕСТА. Духовный рост различить от копания в ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ЧАКРАХ. Ступени роста, развития или движения человеческого Духа отбрасываются единым индоевропейским источником: и йоги, и русское тайноведения.

Расхождения же произошли из-за какого-то катастрофического для древней культуры события, о котором в «Слове о полку Игореве» сказано: «Ныне времена ся наничь обратиша». Пока причина этой ка-

● ЯЗЫКОВОЕ ОРУЖИЕ

тастрофы не будет понята, со всей очевидностью можно утверждать, что Россия может по-прежнему сколько угодно молиться, истязать себя аскезой и самоуничтожением, но у нее не будет ни силы, ни счастья ибо каждый, в меру своего понимания, добросовестно и искренне работает на себя и на свою родину, а в меру непонимания — на тех кто понимает больше, т. е. становится марионеткой в руках противника.

Если верить обычным для современной эзотерики представлениям, то красный цвет, цвет (Зарода) Муладхары очень плох, надо срочно поднимать его по чакрам выше к божественным цветам.

Красный цвет! Солнышко над Русью красное. Девки красные. Красота. Краса.

Боги и история шутят над людьми. Пришли кровавые, совершенно не русские по духу люди — левые коммунисты, узурпировали власть, вырезали пол-России, а знамя сделали красным. Сами не поняли, как это у них получилось, и попытались придумать хоть какое-то объяснение, естественно, про кровь. Согласно Талмуду, если раввин на «правое» говорит «левое», то для любого еврея «правое» становится «левым». И никто из них не заметил улыбки Бога — красна Солнышка. А ведь на Руси стяги всегда были красными. И Спаса потом, при христианстве, носили на красном знамени. Красный — высший цвет всех народов, сориентированных на жизнь, на плодородие. Византийские императоры — Багрянородные. Как цвет радости стал цветом траура (красные гробы)?

Вопрос из истории: почему Александр Невский почитаем как ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТОЙ? Не за победу ли над шведами на Неве, или за разгром тевтонов на Чудском озере? Не угадали. Ни то, и ни другое: за воинские доблести и победы к лику святых ПРАВОСЛАВНЫЕ не причисляют. Александр Невский признан за то, ЧТО ОТСТОЯЛ ВЕРУ. Спрашивается, от кого? Когда возникла угроза нашествия Тевтонского ордена благоверный князь обратился за помощью к золотоордынским ханам. Александр знал: правоверные ордынцы веротерпимы и в душу ПРАВОСЛАВНОГО народа не лезут. Молодой князь побратался с Сартаком — сыном Батыя, а взамен получил татарские полки на защиту Новгорода.

О последнем факте мало кто из ученых знает. По-видимому, пострадалось потомки тех самых тевтонов, густо обсевшие российский престол как раз со времен Петра Первого. Именно при нем начался расцвет «ПЯТОЙ КОЛОННЫ», западничества, укрепления инославия в России, проникновения откровенно сатанинских сил (вступление Петра в масонство). Следовательно, справедливая оценка современников, называвших Петра «Антихристом». Петр I заложил основы духовной подмены, приведшие в конечном итоге к событиям 1917 и 1991 годов.

Такой ВЫБОР князя, ставшего в последствии святым, покажется весьма странным, если учесть, что тевтоны, в отличие от большинства ордынцев, были христианами. Однако, Александру была известна нетерпимость Западной церкви к ПРАВОСЛАВИЮ. Поддаться тевтонам означало для

русских людей РАССТАТЬСЯ С ВЕРОЙ.

«Отцам нашим и матерям — СЛАВА! Так как они учили нас чтить богов наших и водили за руку стезей ПРАВОЙ. Так мы шли, и не были нахлебниками, а были русскими — славянами, которые богам славу поют и потому — суть славяне».

Еще в XVIII веке один автор заметил, что «они (славяне) древнее Нестора письменность имели, да оные утрачены или еще не отысканы и потому до нас не дошли. Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели».

Этот автор — Екатерина II («Записки касательно русской истории»).

Посмотрите ради интереса словарь латинских слов и вы увидите, что они мало чем отличаются от русских. Более того, выясните их внутренний смысл можно только на русской основе. Вы об этом знали? Нам об этом рассказывали в школе? Обычно «лапшу на уши вешают» стандартным ни к чему не обязывающим приемом: «это слово греческого, латинского, тюркского, финикийского... происхождения». А у них то откуда? Почему нам в школе не говорят, что санскрит — язык древнеиндийских жрецов (ЖРИ — ЦЕ — «зрячий человек») лингвистически на 80% совпадает с русским? Почему в Древнем Египте бог солнца РА, русская река Волга в древности называлась РА, а наш боевой клич — У-РА?

Рассмотрим ход глобального исторического процесса.

ЖИЗНЕРЕЧЕНИЕ — социальная функция Жречества. Это очевидно, если вспомнить, что буква «Ж» в славянской азбуке имеет название «Жизнь».

Буквы такой нет ни в одном алфавите. Если эту букву «Ж» интерпретировать с позиции нашего русского древнего Жречества, то она дает следующее: как Прошлое через Настоящее идет в Будущее. Такая письменность соответствует деятельности ПРАВОГО полушария головного мозга.

ЖРЕЧЕСТВО — предвидение, знание словом заблаговременно направлять течение жизни общества к безбедности и благоустройству, удерживая общество в ЛАДУ с биосферой Земли, Космосом и Богом.

Мы — оккупированная страна. Но это ЛОЖЬ, что мы проиграли третью мировую войну. Мы проиграли ЛИШЬ одно из сражений в «холодной» войне, которую на протяжении столетий ведут мировые мафиозные финансовые кланы за установление своего «мирового порядка». Страна полностью опутана смертельной паутиной, из которой можно вырваться только невероятным запредельным усилием всей НАЦИИ или БОЖЕСТВЕННЫМ ЧУДОМ.

Надаться на ЧУДО нам, ИУДАМ, предавшим своих предков, собиравших и крепивших ДЕРЖАВУ на протяжении тысячелетий, не стоит. А усилия, даже самого запредельного, может и не хватить.

На стороне нашего поработорителя ВСЕ силы ЗЛА.

На нашей стороне одна лишь ПРАВАДА, но иногда и ЕЕ бывает достаточно!

Дело наше ПРАВОЕ! ВРАГ будет разбит! Победа будет за нами! У-РА!

Статья подготовлена в редакции «ТЛ» на основе материалов Народного движения «К Богодержавию».

Александр Романов

Из новых стихов

Известный русский поэт Александр Александрович Романов — давний читатель и друг нашей газеты. Родина и постоянное место жительства поэта — вологодчина, Вологда, земля хорошо известная замечательными литературными талантами. Назовем только несколько имен — С. Видулов, С. Орлов, А. Яшин, Н. Рубцов, О. Фожина, В. Кортаев, В. Белов... Все это современники поэта А. Романова, наставники или просто друзья-коллеги по знаменитой Вологодской писательской организации, ответственным секретарем которой Александр Романов работал многие годы. Он автор более двадцати книг стихов и прозы.

ТРАВА ОДИЧАНЬЯ

...И Русь избяная, —
несметный обоз! —
Вспарит на распутье
взывающих гроз...

Николай Клюев,
1916 г.

Трава одичанья — багула
Бредет по родимой Руси.
Так прет, что и небо

прогнула,
Не свалишь — коси, не коси.
Здесь жили крестьяне когда-то,
И вот — ни кола, ни двора...
И ныне цветут лишь закаты,
Где прежде цвели клевера.
О Русь! Ты пахала, косила,
Крепила крестьянскую сыть.
Да всевавилонская сила
Смогла и тебя подкосить.
Лишь память о людях упорных,
Державших мужицкий зарок,
Вскраснеет порой на угорах,
Как сказка о них, клеверок.

1998.

АНТИХРИСТ

В той жизни пахло суслом,
Ковригою ржаной
И восковым Иисусом,
Мерцавшим надо мной.
Сходились в дом с оглядкой
Для бабьих причиндал,
И дед перед лампадкой
Евангелие читал.
... Я помню, слезы, вздохи.
Хотелось жить дружной.
— Ой, снохи, вести плохи,
Молитесь за мужей.
На Русь пришел Антихрист!..
Дед книгу закрывал.
И, помню, спички вытряс
На стол и в руки взял.
От страха леденели:
В пятнадцать спичек счет
Слагался в слово «Ленин»
И тут же в слово «Черт».
Крестились и шептали:
«Ведь оборотень он...»
И набухали дали
От крови и знамен...
1998

РУССКИЕ БАБЫ

Признаться пора бы,
Мы тем и счастливы,
Что русские бабы
В нужде терпеливы.
Их милые лица

В накрапинках пота.
В них дума лучится
И зреет забота.
Российские бабы
Забыли забавы.
В работах не слабы,
В решениях здравы.
Могучие бабы,
Любимые всеми,
Содержат усадьбы,
Содержат и семьи...
Невзгоды, ухабы,
А в сельской России
Усталые бабы
Особо красивы.
Иные во вдовстве,
Иные в безмужье.
Работы им вдосталь,
А жизнь все натужней.
Обветрены губы,
Задумчивы лица...
И нету, к кому бы
Душой прислониться.

1997.

ИСПОДЛОБИЯ

От размышлений
ум светлеет.
Острее печаль, охватней взгляд.
Кто Русь не любит,
не жалеет,
Те исподлобия глядят.
У них притворство
в хитром слове.
Да и обычай их таков.
Им одурачивать не внове
Российских баб и мужиков.

1998

ДУША ОЖИЛА

Душа ожила
да рука замерла
От робости на полувзмахе...
Из тьмы проступают,
светясь купола
И призраки мечутся в страхе.
Уйми же в себе эту
подлюю дрожь,
Пора жить мудрей и смелее!
Чего же стоишь ты
и в храм не зайдешь?
В нем жарко сияет моленье!..
И радость раскаянья
сердцу сладка,
Лишь стань над греховною
бездной...
И вот поднимается
к Богу рука —
Впервые, в слезах, троерперстно!

1997

Петр Григоров

«Борис Годунов». Вслед за мыслью поэта.

«...И мальчики кровавые в глазах»

«Господа, а не обогал ли я умнейшего русского царя Бориса?...»

(Из посмертной записки историографа Н. М. Карамзина)

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни.*

А. С. Пушкин «СТАНСЫ».

«ПРОЩАЙ, ОДЕССА!..»

Причерноморское лето 1824 года для опального российского стихотворца, «прикомандированного» указом царя к Одесской канцелярии наместника Александра I на Кавказе графа М. С. Воронцова, началось хмурой непогодью, хотя над Одессой вовсю светило солнце, южное, бархатное. Над головой Пушкина снова сгустились грозные тучи... А кто виноват?.. Уж не бесшабашный ли гуляка Николенька Раевский — лучший друг и наперсник всех молодецких забав и безоглядных похждений самолюбивого поэта-вольнолюбца?.. А может быть виноват сам, виртуоз не только в рифмованных кружевах стихов? Не зря же наместник царя до хруста в шейных позвонках стал отворачиваться при встречах с коллежским секретарем Александром Пушкиным! И ведь есть за что отворачиваться... Хорошо то, что у графа достало ума промолчать о плутнях милой жenuшки, покрыть все великосветским — аристократическим! — лаком. А тут еще это перехваченное почтой, «атеистическое» письмо его, отправленное так неосмотрительно в северную столицу России. О последствиях и подумать страшно! Да, в солнечной Одессе российский «питя» напылил-накопил изрядно. А ведь знал, хорошо знал чиновник 10-го класса по министерству иностранных дел Александр Пушкин, чем все это будет пахнуть для него. А теперь-то ни сам Господь Бог, ни его земной помазаник не простят ему одесских «одиссей». Из последнего послания друга Петра Андреевича Вяземского нетрудно понять, что о пушкинских романтических проделках здесь, в краю смеющегося моря и податливых чужих жен наслышан и Санкт-Петербург. Не зря же Петр Андреевич, предупреждая друга об осторожности «на язык и перо», пишет: «Верные люди сказывали мне, что уже на Одессу смотрят, как на пристанище, а в этом поле, верно, никакая ягодка более тебя не обращает внимания. В случае какой-нибудь непогоды Воронцов не отстоит тебя и не защитит. Ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством: довольно подразнил его, и полно!» Да, тут ни убавить, ни прибавить!..

Граф Воронцов не замедлил разобрататься в ценности приобретения им «прикомандированного» к его наместнической канцелярии коллежского секретаря Пушкина и уже в марте 1824-го в письме к Нессельроде просил об удалении опального поэта из

Одессы: «Удаление его отсюда будет лучшая услуга для него». Допек-таки «истребитель саранчи» «полумилорда»!

После очередного неповиновения предписанию наместника царя на Кавказе Пушкин сам подал прошение об отставке. Одесская «командировка» поэта закончилась. Его дальнейшая судьба решилась волею царя: Пушкин был исключен из списков чиновников министерства иностранных дел — «за дурное поведение» и выслан из Одессы в родовое поместье — селцо Михайловское Псковской губернии.

В последний день июля 1824 года дорожная коляска вынесла Пушкина из солнечной Одессы. Впереди лежал путь длиною в 1621 версту — от Черного моря до березовых перелесков Псковщины. В Михайловское поэт приехал 9 августа того же года.

НЕЛЕГКО БЫТЬ ПУШКИНЫМ!

Михайловские «прогрешения» поэта начались с первым оборотом колес его дорожной коляски при выезде из Одессы. По строжайшему предписанию властей Пушкин с тремястами рублей «прогонных» в кармане должен был безостановочно гнать и гнать «сивок-бурок», пока очередной ямщик «не упрется шапкой в псковское небо». Пушкин же, будто издеваясь над строгостью властей, как о том сообщает нам, потомкам, в своих «Воспоминаниях» Анна Петровна Керн, добравшись до Хорольского уезда Полтавской губернии, решил завернуть к одному из своих друзей — местному помещику А. Г. Родзянко: «... Он прискакал к нему с ближайшей станции, верхом, без седла, на почтовой лошади в хомуте...» Видать, дорожная тоска заела двадцатипятилетнего стихотворца-бунтаря! Но это всего лишь «цветочек». «Ягодку» Пушкин поднес местным властям в лице губернатора края Паулуччи и псковского губернатора Адеракса вместе с его опочечким уездным предводителем дворянства А. Н. Пещуровым. Дело в том, что по тому же строжайшему предписанию из Санкт-Петербурга поэт обязан был сперва прибыть в Псков, дабы представиться губернскому начальству, но он, усмешливо кивнув судьбе ссыльному, от Опочки погнал «сивок-бурок» прямо в Михайловское: Адеракс-де — не велика шишка, подождет!.. «Ягодку» Пушкина проглотили молча... Паулуччи прекрасно понимал, с кем отныне связала его судьба по воле императора. Правда, Санкт-Петербург на выходу Пушкина не

промедлил ответом: отныне водворенный в Михайловское поэт не был «прикомандированным» к Адераксу чиновником министерства иностранных дел, здесь он был по всем постулатам Российского Закона ссыльнопопеченным, запечатанным в клетку тройного надзора — полицейского, церковного, родительского. Последнее большее всего ударило по самолюбию поэта, и после бурного объяснения с отцом-соглядатаем взъяренный сын Сергея Львовича написал горячее письмо на имя монарха с просьбой поместить его в любую из крепостей государства — тюрьму. Благо, что это «прошение» не было отправлено адресату, иначе бы император с удовольствием удовлетворил просьбу вольнодумца. Однако же, родительский надзор был снят, но помимо надзора полицейского остались соглядатайства светское и духовное. Поднадзорному ссыльнопопеченцу волей-неволей пришлось смириться с вежливыми посещениями его дома опочечким предводителем уездного дворянства Пещуровым и бесившими поэта неожиданными набегами священника церкви Воскресения Христова из села Воронич Раевского, по прозвищу «Шкода». В этом низеньком, ржеватом существе монашка тайлось нечто сатанинское, умело спрятанное в ничего не упускающем остром взгляде всегда прищуренных рысжих глаз, в мягко обволакивающем, велеречивом потоке слов почти духовного наставника, в вопросах исподтишка талантливо душиепищцы-иезуитика. Суеверный Пушкин всегда невольно вздрагивал при будто невзначайном появлении этого ханжи-шпиона. Единственным целителем его больной души оставалась неизбывная мамушка-нянюшка стареющая Арина Родионовна. Радовали наезды помещика Вульфа, брата владелицы соседнего Тригорского, стал праздником души приезд лицейского друга Ивана Пущина, стала восторгом сердца встреча с божественной Анной Керн.

А вот с какой целью посетил Михайловское сановный князь Горчаков, одинокашник поэта по Царскосельскому лицезу, до сих пор остается загадкой. Нет, нет! Сиятельный чиновник по ведомству внешних сношений России ни единой клеточкой своей души не был повинен в скитальческой судьбе непокорного поэта, Пушкин знал это, как знал и сам князь Горчаков, но... сравним: эхом на нелегальный приезд в засугробленное Михайловское Ивана Пущина стали стихи:

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный, печальным
снегом занесенный
Твой колокольчик огласил!

Да, это было праздником истосковавшейся по воле души изгнанника-поэта. А какой небесной музыкой поныне звучат слова гимна женщине, посвященные тогда Анне Керн:

... В душе настало пробужденье,
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты!

Все так. Но вот в ответ на приезд князя Горчакова Пушкин, как говорится, «ни гу-гу»!.. Если член Северного тайного общества Иван Пуцин привез ссыльному другу теплые приветия его петербургских друзей, непреходящую признательность лицейского братства и рукопись поэмы Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», а красавица Керн привезла Пушкину любовь женщины, всегда облагораживающей душу мужчины, то что же привез Пушкину князь Горчаков?.. Не ради праздного любопытства и не с целью соглядательная навестил поэта-изгнанника сиятельный посетитель, нет! Было что-то иное, покрытое тайной. Я склонен полагать, что Горчаков привез Пушкину, жаждущему свободы и независимости, мысль-подсказку, придуманную не только им самим, о пути выхода из неволи. Вот почему оба они промолчали о приезде князя в Михайловское! Не забудем, что после посещения Пушкина князем Горчаковым император особенно пристально следил за образом жизни ссыльного поэта, настойчиво ужесточая полицейский надзор над ним. Монарх не сумел простить вольнодумцу хлестких эпиграмм в свой адрес, хотя прекрасно понимал, что значит для России Пушкин — поэт. Царям и королям всегда льстило иметь в своем государстве своего Омара Хайяма или Шекспира. По-видимому, самим Создателем положено было двуцарствие у любого народа: монарх правил людьми в их телесной ипостаси, поэт правил душами и умами людей. В России оба Александра, царь и поэт, прекрасно сознавали это. Ведь совсем не случайно Пушкин однажды обронил слова истины о понимании своего места в империи: «Я числюсь по России!» Эти слова не были обыкновенной шуткой острога на язык поэта. Не с того ли государственный герб Российской империи Двуглавый Орел? (Но это моя мимолетная шутка, читатель). Однако, поэт далеко не шутил, когда сказал о себе на века:

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Да, с истиной не поспоришь. Что такое в России «Александрийский столп», надеюсь, знает каждый посвященный в отечественную историю, но всяк ли осознал сказанное поэтом?..

... Вернемся в Михайловское. Пушкин,

загнанный «спасительной милостью» своего царственного тезки в псковскую деревенскую глушь, рвался на волю — в столицу, к друзьям, библиотекам, архивам, театрам — к жизни, какую судил ему сам Господь. Но где выход?! И выход из Михайловского тупика был найден.

«ТЕНЬ ГРОЗНОГО МЕНЯ УСЫНОВИЛА»

Кто подсказал Пушкину дать миру трагедию «Борис Годунов»? Карамзин с его историей конца царствования Ивана IV Грозного и последующими событиями в Московском государстве? «История» Карамзина стала для поэта всего лишь материалом для написания трагедии, отправной вехой в давно исчезнувший мир людей, ставших персонажами его трагедии, в мир, восхращенный воображением поэта. Правда, отдавая дань подвижническому труду Карамзина-историка, Пушкин посвятил «Бориса Годунова» ему: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».

Может быть, Пушкину написать трагедию «Борис Годунов» подсказал Булгарин своим историческим романом «Дмитрий Самозванец»?.. Но сей опус Фаддея Бенедиктовича — непроходимая дерьба графоманской белиберды с мистическими сценами в похождениях героя «романа» Иваницкого, в ком автор упрятал образ «Дмитрия-самозванца». Правда, государь не оставил без внимания своего императорского величества труд Булгарина, отблагодарив его бриллиантовым перстнем. Тут к месту сказать, что Романовы чутко славливали любое слово, оправдывающее присутствие их на Российском престоле, всегда помня, что в первую очередь их «рыльце» в угличском окровавленном «пушку». Об этом чуть позже. К тому ж, Булгарин написал свой «роман» несколько лет спустя после написания Пушкиным трагедии «Борис Годунов», украв кое-что у Пушкина.

Автор «Бориса Годунова» по сему случаю оставил нам свою дневниковую запись: «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны литературного имени. К тому же главные сцены уже опубликованы или искажены в чужих подражаниях. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходится объявить царю князь Василий Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Булгарина также. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание».

Читатель, вам понятен плагиат Булгарина?

... Опоздало подсказать Пушкину писание «Бориса Годунова» и дружески написанное письмо Василия Андреевича Жуковского, заботливого опекуна беспокойного стихотворца: «Что могу тебе сказать

насчет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством».

Письмо Жуковского написано было 12 апреля 1826 года, а Пушкин окончил трагедию «Борис Годунов» в ноябре 1825-го, за месяц до событий на Сенатской площади Санкт-Петербурга, начав ее в декабре 1824-го. Таким образом, написание «Бориса Годунова» был потрачен почти год михайловской ссылки поэта. Бытует придуманная бог знает кем легенда, якобы Пушкин, окончив «Бориса Годунова» и перечитав написанное им, бегал по комнате своего дома и, восхищенный самим собой, восторженно выкрикивал: «Ай да Пушкин! Ай да молодец!» В другом варианте пушкинского самовосхваления его восторженный выкрик звучит несколько иначе: «Ай да Пушкин! Ай да бес!» Вот уж поистине, пушкиноведа у нас самые разные: одни добросовестно вгрызаются в тайны его гениального творчества, другие придумывают чепуху.

Поэт-изгнанник писал «Бориса Годунова», внимательно изучив тома X и XI «Истории» Карамзина, но отправной точкой к написанию этой трагедии стала его авторская строка, высветленная в сознании поэта его гением: «Тень Грозного меня усыновила». Пушкин-поэт был рожден по молитве самих богов — для России.

«В КОЛОДЦЕ ДАЖЕ ДНЕМ ЗВЕЗДЫ ОТРАЖАЮТСЯ».

Для чего написана трагедия «Борис Годунов»?

Анатолий Валентинович Наумов в своей монографии «Посмертно подсудимый» (О царском суде над уже покойным поэтом — П. Г.) пишет: «Историческим фоном трагедии поэт избрал сложнейший период российской истории — события так называемого смутного времени (начало XVII века). Этот короткий исторический период царствования в России Бориса Годунова объединяет и смену царей, и нашествие на Россию иноземных захватчиков, и народные бунты и восстания, и, что особенно повлияло на дальнейшее развитие Российского государства, введение крепостного права. Все это казалось Пушкину не далеким, а очень близким к жизни современной ему России. По этому поводу поэт писал Н. Раевскому и В. Жуковскому: «Это злободневно, как свежая газета».

Согласен, автор монографии удачно разглядел... фон трагедии, почему-то выронив из сознания мысль о том, что трагедия творилась поэтом в ссылке, под перекрестным надзором за каждым шагом его, изгнанника, под аккомпанемент жгучего желания вырваться на свободу. Поэт обстоятельствами своего михайловского

бытия был принужден искать и найти выход из-под полицейской опеки, калечащей его душу и унижающей достоинство человека в нем. Пушкин, определившись с темой будущей трагедии, прекрасно осознал, на что идет, сочиняя «Бориса Годунова», собрав перед собою персонажей трагедии — Шуйского, Воротынского, своего предка боярина Пушкина, Басманова, царя Бориса и прочих в русском стане, а наряду с ними польских ясно-вельможных панов и, наконец, царевича Димитрия, до сих пор называемого

Царь Борис Федорович Годунов.
Из Титулярника

нашей официальной историографией Лжедмитрием. Поэт заставил персонажей своей трагедии действовать и говорить так, как нужно было ему, автору сего литературного произведения.

А теперь, читатель, заглянем в «колдец» авторской мысли Пушкина. Трагедия писалась им в бытность на российском троне императора Александра I, не однажды освистанного хлесткими эпиграммами поэта. Теперь Пушкин искал царской милости, монаршего прощения, а это значит — возвращения его в столицу. Пушкинская трагедия «Борис Годунов» предназначалась прочтению ее Александром I. Поэт, скрепя сердце, принужден был льстить потомку бояр Романовых, своему современнику — российскому царю. Однако, отлично понимая, что император Александр I знает отечественную историю не хуже его, поэта, Пушкин в своей трагедии не выводит на сцену предков современного ему русского царя, не дает им слова, опасаясь сфальшивить. Пушкин говорит о Романовых устами своего предка, боярина Пушкина, что само по себе уже символично:

... Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнание.

Итак, по-Пушкину — «Романовы — отечества надежда». Бесспорно, Александру I было бы лестно услышать такую оценку его предков из уст российского

поэта, еще недавно освистывающего его, императора, злыми эпиграммами. Значит, Пушкин перевоспитался! А в этом опять-таки заслуга Романовых. Теперь поэта можно и просить... Вот она, вожделенная мысль Пушкина! И рядышком с оценкой бояр Романовых, «отечества надеждой», мимолетное напоминание автора трагедии о своей судьбе «заточника, замученного изгнанием». Думай-де, думай, царь-батьюшка, ведь роды бояр Романовых и Пушкиных в истоках своих равны!..

Я восхищаюсь тонким узором пушкинской мысли этих строк.

... Александру I не довелось прочитать трагедию Пушкина «Борис Годунов». Ее внимательно прочитал младший брат почившего в бозе Спасителя Отечества — Николай I. Если для Александра I самопризнание Бориса Годунова своей страшной вины пред родом Рюрика, сказанное Пушкиным, будто выстрел в упор:

Как молотком в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

было бы обыкновенной строкой пушкинских стихов, то «кровавые мальчики» трагедии Пушкина больно задели за живое Николая Романова, восшедшего на российский трон по сотням кровавых мальчиков, растерзанных картечью на Сенатской площади Санкт-Петербурга 14 декабря 1825 года. Болезненно ожгла память новоиспеченного российского императора последняя строка этого стиха: «Да жалок тот, в ком совесть нечиста».

Смирив себя, Николай Павлович понял, что талантливого вольнодумца Пушкина лучше всего держать у трона, а не где-то вдали. У трона и перевоспитать строптивца легче будет. Возвращенному из михайловской ссылки опальному поэту Николай I предложил переделать стихотворную поэму-трагедию «Борис Годунов» в роман в прозе. Пушкин отказался, и его трагедия увидела свет в первоначальной редакции ее с незначительными поправками только в январе 1831 года под личную ответственность автора. Такова была воля императора.

... Был ли зарезан в мае 1591 года в Угличе настоящий царевич Димитрий, сын Ивана IV Грозного, чью смерть до сего времени вменяют в вину Борису Годунову?.. Ответа на этот вопрос нет до сих пор. Михайло Ломоносов в свое время напрочь отгел версию убийства последнего Рюриковича. Труд профессора Полосина, исследовавшего свиток «Угличского сыского дела», бесследно исчез. Однако, до нас дошла монография польского историка Казимира Валишевского «Смутное время», где он убедительно доказывает на основании российских исторических архивов, что настоящий царевич Димитрий был тайно вывезен в Литву его дядями князьями Нагими при прямом участии боярина Федора Романова и князя Черкасского. Кто был зарезан в Угличе — тайна, покрывшая непро-

цаемой пеленой четыре века российской истории. Вот почему «рыльце» бояр Романовых в окровавленном угличском «пушку». Романовы шли к российскому трону рассчитливо и неспешно, ступая по титулованным трупам, будто по ступеням — вверх!.. В Угличе зарезан «царевич Димитрий» — вина на Борисе Годунове, тогда еще правителе России при царе-зятце Феодоре Иоановиче I. И вдруг «царевич Димитрий» во главе польского сброда и донских гуляк-казаков появляется в пределах государства Российского, дабы вырвать из-под Годуновых «отцовский» трон. Монах Филарет, в миру боярин Федор Романов, из монастырской кельи тайно вершит судьбу Годуновых. Царь Борис внезапно умирает. Нога боярина Романова на ступеньку выше к вожделенному трону. Немного погодя бояре-заговорщики подло умерщвляют молодого царя Федора II, наследника Бориса. Еще ступенька... На российский трон посажен «последний Рюрикович» — сомнительный сын Ивана Грозного, Димитрий. Этот вскоре погибнет в сутолоке боярского заговора. Монах Филарет довольно потирает руки — еще ступенька! Царем становится хитрейший из московских бояр, князь Василий Шуйский — последняя ступенька к трону под стопой Романовых. Царя Василия смахнула с Российского трона польско-литовская интервенция. Все. Для Романовых до шапки Мономаха — только руку протянуть!..

Поляки, осажденные в Московском Кремле силами русского ополчения, переев всех собак и кошек, сдались на милость князя Дмитрия Пожарского. И вот тогда русским царем становится Романов, правда, не монах Филарет, то бишь боярин Федор, а его сын Михаил, а монах-отец становится Патриархом Всея Руси при царе-сыне.

... Итак, боярин Федор Романов задуманное претворил в быль для своего рода. Более того, патриарх Филарет тайно приказал послушнику ему монахам переписать Московскую летопись, дабы скрыть на века кровавые следы свои на пути к Российскому трону. Старая Московская летопись дошла до нас как «Новый Летописец». «Браво», Романовы! Как же было не одарить графомана Булгарина брильянтовым перстнем за его пусть даже низкопробный роман, всеподданнейше оправдывающий присутствие Романовых на Российском престоле?!

... И последнее: знал ли поэт Пушкин о посмертной записке историографа Карамзина?.. Не мог не знать. И если знал, значит, вслед за историком Карамзиным талантливо оболгал умнейшего русского царя Бориса, дабы вырваться на свободу.

Цель оправдала средство. Теперь первому поэту России, ученику стихотворца Жуковского, победившему своего учителя, можно было «в надежде славы и добра без боязни смотреть вперед», до поры смилив гордыню.

г. Тюмень.

Откуда пошла Тюмень

Записки краеведа

Среди пушкинистов бытует мнение, что сюжет «Сказки о золотой рыбке» Пушкин позаимствовал у братьев Гримм, а отдельные места сказок «О царе Салтане» и «Золотом Петушке» носят следы влияния творчества Вашингтона Ирвинга. Американский дипломат Ирвинг почти 18 лет прожил в Европе, поллюбил ее, а Испанию считал своей духовной родиной. На страницах книг Ирвинга живут и действуют рыцари, призраки, пираты, искатели сокровищ, зачарованные мавры, колдуны и звездочеты. Вот легенда «Об арабском звездочете», как уверяют пушкиноведа, и послужила для Александра Сергеевича основой сюжета «Сказки о Золотом Петушке».

Да, схожесть есть. Первое, что не ускользает от внимания, это наличие в обоих произведениях дуэта — престарелый правитель государства и волшебник звездочет, которые при помощи чар пытаются отразить набеги воинственных недругов с востока. Второе — шахматная доска, которая незримо присутствует и в «Сказке о Золотом Петушке» Пушкина: «... Вот проходит восемь дней, а от войска нет вестей... Снова восемь дней проходит, войско в горы царь приводит...»

Почему для определения промежутков времени Пушкин берет восемь дней? Ведь магическое число Руси — семь. В сказку Пушкина восьмерка перекочевала с шахматной доски арабского звездочета: столько клеток на одной ее стороне.

Вспомним возвращение Додона и его встречу со звездочетом: «Вдруг в толпе увидел он, в сарачинской шапке белой...» Шапка эта — арабская чалма, вместе с ее хозяином позаимствована Пушкиным у Ирвинга. И это не единственное заимствование. Но вот чего никогда не бывало у Ирвинга, так это шемаханской царицы. Образ ее — целиком пушкинский.

Посему поговорим о пророчествах А. С. Пушкина. Его гениальные творения не теряют актуальности и в наш донельзя политизированный век. Пушкин оказался пророческим, избрав в аллегориях «Сказки о Золотом Петушке» события, повторенные уже нашей советской и постсоветской действительностью. Вот после двадцатилетнего царствования «лежа на боку», сонное царство потрещало сигнал об опасности с Востока, от древней Шемахи, что по соседству с Баку и Сумгаитом. Вблизи нее, в Карабахе, сталкиваются в кровавой битве два брата-горца и в ужасе от пролитой крови содрожались недра гор землетрясением в Спитяке.

Разве не на этот самый сюжет наблюдали мы события, что показывали нам на телеэкранах? Столкновения соседей-горцев, кровавая междоусобица между грузинами и осетинами, рати десантников Додона на улицах Баку и Тбилиси. Опасность грядет с Востока! В «Золотом Петушке» Пушкин предсказал это потомкам Додона. Война хлынула из Ферганы и Афганистана. И вот уже рожутся: осетины и ингуши, грузины и абхазы, казаки и чечены. В горном Кара-

бахе и древней Шемахе. Кто она — шемаханская царица, из-за которой брат пошел на брата? Каспийская нефть?!

В поисках шемаханской царицы наткнулся я у Карамзина в «Истории государства Российского» на одно сообщение относящееся к царствованию Ивана III: «Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани; спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шавкала, Тюмени. Хивы, Сарайчика... Земли Шавкальская, Тюменская, Грузинская хотели быть в нашем подданстве...» Заволновался я по поводу одного упоминания. Не могло быть, чтобы ошибся Карамзин. Но почему Тюмень рядом с Дербентом, Грузией и Каспием? Ведь присоединение Тюмени к России произошло гораздо позднее, во времена Ермака и Ивана Грозного, продолжаю и дальше копаться в книгах личной библиотеки Пушкина. И вот, посылают мне по межбиблиотечному абонементу прелюбопытнейший экземпляр: «Древняя российская гидрография, содержащая описание московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие на них города и урочища и на каком оныя расстоянии», изданная Николаем Новиковым в 1773 году в Санкт-Петербурге».

Посмотрим, есть ли в книге наша таинственная Шемаха? На пожелтевших от времени листах Шемаха, как не стоящая на водном пути, не упоминается. Зато отыскал соседствующий с нею Дербент: «А от Дербента восемьдесят верст, меж гор, у Хвалымского (Каспийского) моря городище Торки. А от Торков до устья Терека до Тюменского града сто восемьдесят верст. А от Тюмени до Астрахани четыреста...» Отсюда следовало сделать вывод, что шемаханская царица родом из-под Тюмени.

Вовсе все перепуталось. Тюмень на Тереке и Астрахань по соседству? Не иначе как перепутали древние гидрографы Туру и Терек. Продолжаю осторожно листать желтые страницы и вдруг, на странице 223, нахожу: «А в Тобол реку за триста тридцать верст от устья Тобола пала Тура река, а река Тура течет из горы, из Камени: против града Соли Камской восемьдесят верст. От Соли Камской, от Великия Тюмени за пятьсот пятьдесят верст, а от Тюмени сто двадцать верст пала Тура в реку Тобол».

И по сегодняшним меркам не слишком ошиблись в расстояниях древние гидрографы. Как не ошиблись они и в том, что в

конце 16 века существовали на карте России сразу две Тюмени: Великая на Туре и Малая на Тереке. Но почему город носивший до прихода русских имя Чимги-Тура был переименован в Тюмень, не говорит и уважаемый Пушкиным академик Г. Ф. Миллер.

Попробуем разобраться, исследуя летописи.

В мае 1493 года Иоанн III, Великий князь московский, послал войско под начальством князя Федора Курбского Черного и Ивана Ивановича Салтыка-Травина на вогульско-го князя Асыку и на Югру. Разбив вогуличей при устье реки Пельм, войско продолжало свой путь, спустилось по Тавде, МИМО ТЮМЕНИ ДО СИБИРИ, а отсюда берегом Иртыша до Великой Оби в землю Югорскую...

У краеведа возникает естественный вопрос к летописцу: мог ли Курбский плыть по реке Тавде до Сибири, нынешнего Тобольска, мимо Тюмени, которая стоит южнее на реке Туре? Мог, если под именем Тюмень подразумевался не город, а область, северная граница которой проходила по реке Тавде. Это предположение подтверждает другой литературно-исторический источник.

В 1575 году во Франции появилась книга Бельфороз, представляющая собой перевод и переработку «Космографии» немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1489-1552 гг.). В ней упоминаются жители Сибири, которые живут в области Тюменской и питаются сырым лошадиным мясом, а пьют кобылье молоко, к которому подмешивают кровь, взятую у этих животных. А между 1537—1544 годами сенатор данцигский Антон Вид отпечатал карту, на которой были обозначены обские низовья, «Тюмень Великая» и город Сибирь.

Пришедшие по следам Ермака в Сибирь русские воеводы Василий Сукин да Иван Мясной, а с ним ермаковы казаки Черкас Александров с товарищами в 1586 году поставили на реке Туре Град Тюмень, ими присоединенный к Руси.

Так название тюменского царства дало имя городу. Откуда произошло название самого царства — история умалчивает. Возможно — оно унаследовало имя основавшего его гуннского предводителя Тюмания. Но это уже не факты, а домыслы, ждущие своего исследователя.

Аркадий ЗАХАРОВ.

Фото: Тюмень на снимке начала XX века.

Тюмень литературная

Валентин Овсянников-Заярский

На Нижневартовских ветрах

Наш причал..

Окрест болота и тайга,
Мороз стоит колом.
И плачет белая пурга
О времени былом.

Идут века, бурлит река,
И мы грустим с тобой.
Все это временно, пока,
А вечен — свеабой!

Сквозь годы вижу — берега,
Одетые в бетон,
У трапов плещется вода,
Суда — со всех сторон.

Да, здесь построим мы причал,
На северной реке.
И смоем временем — печаль,
Мелькнувшую в строке...

1983

* * *

Невероятно
бытие земное!
Весь ужас в том,
что видишь иногда:
К закату солныце
катится большое,
А вдруг уже — навеки, навсегда?!

1991

На лежневке

Вздыхает под грузом лежневка,
Бездонна под ней глубина.
Огромная, кстати, сноровка
Водителю «КРАЗа» нужна.

Он крутит баранку беспечно,
Приветливо светится взгляд.
Окрестные сосны, конечно,
Как всюду, под ветром шумят.

Внезапно душою оттаешь,
Не стыдно заплакать навзрыд.
Но, глядя на мир, забываешь,
Что мир этот нами открыт.

1976

Северный апрель

Ночным укрывшись покрывалом,
Еще крадутся холода,
Еще снега лежат устало,
И стынет в лужице звезда.
И все же солнце безмятежно
Поутру крыши золотит,
И небо чисто и безбрежно,
Оттаяв к полудню, парит.
Идет пора преображенья,
И смотрит вдаль из-под руки.
Она сулит мне вдохновенье
И просто — лучшие деньки.

1979

* * *

Струится свет
на землю не спеша,
Наряд береза
каждый день меняет,
Осины лист,
как робкая душа,
На ветерке
дрожит и полыхает.
По всем приметам —
стужа далека,
Но из травы знобяще
веют росы,
И кошенины поздней
два рядка
В печаль полей
текут русоволосо...

1987

* * *

Шалют,
безумствуют юнцы.
Таковыми ж были мы,
отцы.
Сейчас — степенны,
важны даже.

Изменчив мир,
и знаю я,
Спокойствие придет
с годами,
Сомнет не всех,
не все «цунами»

Трагического бытия.
У старости — предел
и «рамки»,

У юных — майская пора.
Пусть веселится детвора,
А мы — в сторонке,
Как подранки.

1995

Метёт метель

Метет метель, не затихая,
Чуть ветерок, и — понеслось...
А ты, любовь моя земная:
Откуда пыл

и страсть,
и злость?!

Снега кружат.
Но вот — ложатся,
Растут сугробы
тут и там.

Я говорю:
давай держаться!

Нам этот пыл —
не по летам...

1994

* * *

Я снова облик вижу твой,
И вновь тянусь к нему.
За что дана ты мне судьбой,
Никак я не пойму.

Не говори, что годы — прах,
За чувства не брани,
На Нижневартовских ветрах
Проверены они.

1995

Про скворца

Коль появился
во дворе скворец,
Зиме уж точно,
граждане, конец!

Но нет скворца!
Откуда быть скворцу,
Коль бьет наотмашь
стужа по лицу,

Коль со двора
стремишься убежать?
Суров наш Север,
может так зажать,

Таких навьет
сугробов у крыльца,
Что позабудешь
думать про скворца!

1986

На Агане

Анатолию Петерману

Апрельское солнце
Эх, вон как заигрывает!
Дорога в изъяснях,
Как тело израненное.
Машина с песочком —
Пятнадцатитонным! —
Как мячик, над ней
На ухабах подпрыгивает.
В очкастых проталинах
Небо тяжелое.
Дорога трудное
Становится к полудню.
Но едут водители
К здешним окраинам,
Везут на «кусты»
Драгоценные грузы.
Коварны бока
У крутого Агана.
Подъемы и спуски —
Не вновь ветеранам,
Однако без трактора, —
Поздно иль рано —
И асы баранки
Никак не обходятся.
Бегут километры,
Летят ошалело,
На грудь налегает
И давит усталость.
Машина и та
от усилий вспотела,
И кажется счастьем
Обед-передышка.
Тайга потемнела,
На склонах и кручах
Пихта и осина
Задумчиво смотрят,
А фары глазо
Дорогу ощупывают.
И снова ухабы
Таежные охают.
Скорей бы до паводка,
Скорей до распутицы,
Сквозь сутки угрюмые,
Ночи бессонные —
Карьер «Чистоборский»
Повычерпать загодя,
Чтоб встали «кусты»
С нефтешками на ноги.
Придут потом —
С воздуха! —
Летом нефтяники
И жизнь на «кустах»
Забурлит полнокровная.
И радость победы
Взметнется фонтанисто
Сквозь толщу пластов
Нашей русской земли.

Телевизору не верю...

— Телевизору не верю! —
говорит сосед, —
Люди стали,
словно звери,
Человека — нет.
На экране —
эти черти,
Как в глазу
сучок,
Все о сексе
да о смерти,
О любви — молчок.
Ненавижу...
Боже, Боже...
Нищета, разгром!

Куда вот так мы забредем?
К какой грядущей нашей славе?
Ведь все страшнее и кровавей
Зари вечерний оком.

1991

* * *

Так что ж ты смирилась, Россия?
Шахтерской лишь каской стучишь?
Гайдары тебя подкосили,
Чубайсы надули — молчишь!

Дождешься, ошейник изладит
Какой-нибудь новый балда,
В железную клетку посадит
И скажет: «Так было всегда!»

1995

Мы ж поддакивали тоже,
Нам и —
поделом!
Демократии просили.
Где она,
скажи?
Ах, Россия, ты, Россия, —
Водка
да бомжи...

1991

* * *

И тут, и там страна ревет,
И не ветра уж, свищут пули...
Куда рванули, повернули?
Никто уж толком не поймет.

Какие речи! Луч надежды?
Верхи стремятся... Но к чему?
И я, усталый, не пойму:
Зачем так злобствуют невежды?!

1995

Домой!

От этой жизни колготной
Я так домой хочу. Домой!
Вот телевизор я включу,
Не то! Опять домой хочу.
Смотрю, смотрю на «мир большой»,
Но этот мир — совсем не мой.
Я с чьим-то взглядом соглашусь,
Но убеждений не лишусь.
Я больше думаю о том,
В какое время мы живем?
Что в духе нашем? От кого?
И все корпим мы — для чего?
Вот этот город — мой родной —
Судьбы творенье, трудовой!
А поразмыслишь — пустота,
Не те красоты, грусть не та!
И повторяю: Боже мой,
Когда же вырвусь я домой?!

Бреду по листьям

В дубовой роще простился с летом,
Но разве дело в исходе этом?
Теперь и осень — не злая доля,
Вот даже сердце привыкло к боли.
Ах, осень, осень... Такой расклад:
Бреду по листьям я наугад.

1976

1983

Поэт Валентин Овсянников-Заярский опубликовал в нашей газете несколько подборок своих стихотворений. И вот в ближайшее время в Средне-Уральском книжном издательстве выходит солидный томик его стихов «Любимой». Поздравляя нашего автора с отрядным событием в его творческой биографии, заметим, что многие строки этой книги написаны в Нижнеуральске. Этому городу, работе на его стройках и промыслах он отдал значительную часть своей жизни, Нижнеуральск, после отчего Донбасса, его вторая родина.

Публикуя подборку стихов из книги «Любимой», желаем автору творческих успехов, добрых свершений во всех делах.

Редакция «ТЛ».

Писатель — учитель — личность

К 125-летию со дня рождения М. М. Пришвина, замечательного русского писателя, в судьбе которого Тюмень связана с рождением «Чувства родственного внимания», Тюменский госуниверситет, городской комитет по образованию, Тюменское отделение фонда культуры провели конкурс ученических сочинений. В нем приняли участие 130 школьников, география конкурса расширилась другими городами области. Юные любители русской словесности — это, пожалуй, самые внимательные и благодарные читатели Пришвина. Их привлекает не только своеобразие художественного мира писателя, но и писатель как Личность, Учитель. Сочинения школьников созвучны проблематике пришивинских произведений, были интересны размышления над страницами книг писателя, сочинения литературно-творческого характера.

Юбилейный год М. М. Пришвина продолжается. Но пик юбилея в школах Тюмени миновал, подведены итоги, вручены призы и подарки победителям конкурса.

На этой странице «ТЛ» публикуются фрагменты из сочинений — первые детские и юношеские опыты сочинительства.

И. Смирнова,
член жюри конкурса.

«Золотые ножки солнца...»

...Как и человек, вся Земля умылась. Сразу посвежело, а в воздухе повис запах коры и почек. Этого момента и ждала Природа. Над всеми звуками вырвался торжествующий крик, слившийся воедино: «Победа!» На языке Природы это означало рождение первых солнечных лучиков в этот прекрасный день. Там, куда добирался лучик, все преображалось, расцветало. Даже гребешок Косача загорался огненным цветком, а его платье переливалось из синего в зеленое. И песня Природы уже лилась звонким ручейком, наполняя каждую клеточку воздуха.

Но стоило детям заспорить, как тут же это передалось Природе. Облако, как холодная синяя стрелка, пересекла солнце пополам. Рванул ветер, застонала сосна и зарычала ель. Казалось, что Природа заплакала голосом потерянного ребенка. Даже она понимала, что это нарушение спокойствия и радости.

И Травка проснулась от стона деревьев, который напомнил ей горе. Природа направила своей рукой потоки воздуха так, чтобы Травка почувствовала присутствие детей в этом чудном мире. И она бежала на помощь.

День заканчивается не порывом ветра, а последним легким дыханием. Нет сил уже у Природы, нет и у детей. Погружаются под землю золотые ножки солнца. Наступает тишина, как будто Природа приготовилась к последнему рывку — рывку помощи детям. И она помогла им.

Яна Запорожец,
5^а класс,
школа № 29 г. Тюмени.

Кладовая души

... Человек — дитя, частица природы. В его сердце должно жить солнце. Люди, чья кладовая души полна солнечным теплом, несказанно богаты, они могут отдавать это тепло другим, согревая их в трудные минуты. Настя и Митраша смогли выдержать все выпавшие на их долю совсем не детские испытания только благодаря той бескорыстной помощи, которую им оказывали жители их села.

И когда, однажды, во время похода за клюквой, этот лучик стал гаснуть, случилась беда. Да, да, порой капля нечуткости, зазнайства или жадности, прокравшись в кладовую души человека, очень запросто может охладить или даже совсем погасить солнце. Настя поняла это и душа ее вновь обрела спокойствие и наполнилась солнечным теплом, когда они с братом отдали всю собранную клюкву больным детям.

Пусть всегда будет солнце, пусть всегда его доброе тепло будет в сердце каждого человека, пусть каждый будет рад поделиться им с другим, чья душа наполнилась холодом беды.

Игорь Марголин,
7 «б» класс, школа № 15
г. Тюмени.

Сон

... Как хотелось бы раствориться в сладкой живительной влаге вечной ягоды. Но что-то держит меня и не пускает туда.

Мгновение... Яркое солнце сыплет в глаза горсти слепящих огней. И слеза катится по моей щеке.

Мгновение... Кто-то холодным шершавым языком слизывает ее, потом тычется мокрым носом мне в грудь...

Глаза, удивительные глаза, преданные, с искрой надежды и с чуть заметной тенью тоски смотрят на меня.

— Ах, Травка. Травка!

И пушистый хвостик собаки приветливо шевелится.

— Травка, куда же ты, куда?

— Сюда, иди сюда! — слышится в ее игривом лае, — Сюда!

Тонкие, хрупкие деревца протягивают мне ветви, и я, не задумываясь, принимаю их помощь. И я уже не могу понять, где моя плоть, моя сущность, моя душа.

Мгновение... или вечность? Холодный огонь давно манящих ягод у меня в руке... Как сладок их вкус весной...

И снова глаза... В глазах загадочная грусть и сладостная нежность, таинственная мысль, любовь и доброта, чуть-чуть наивности и капелька кокетства, немного надломленности и тревоги. Есть еще необъяснимый луч, который загорается и тухнет...

Быть может, это жизнь?

— Говорите, говорите! — вторит каждая капля ручья капле, каждая птица — птице. С ветром несутся звуки, слова, чувства. А перед глазами разноцветье: золотисто-желтое, багрово-красное, небесно-голубое...

Синяя ночь. Только голубые звезды заигрывают с месяцем.

Галина Максимова,
10 класс, школа № 25 г. Сургута.

В осеннем лесу

...Я люблю бывать осенью в лесу. Осенью в лесу совсем не то, что летом. Осенью лесом любишься, а не думаешь, как бы побыстрее корзинку ягод набрать и брата обогнать, ведь у мамы сюрприз для победителя приготовлен. Когда в лес приходишь не за ягодами, а просто так, то понимаешь, что природа живет какой-то своей таинственной жизнью, похожей на сказку.

Ольга Борщ, 6 «и» класс,
школа № 36 г. Тюмени.

О, небо!

...Однажды холодным осенним утром, восхищаясь рассветом, я воскликнула: «Какое красивое небо!» Но в ответ я услышала равнодушные слова: «Какое может быть небо, когда так холодно!» И мне стало обидно, что человек, думая о себе, не замечает красоты окружающего мира, пропускает короткое мгновение рассвета. Потому и дороги мне произведения Пришвина, что, благодаря им, люди начинают чаще смотреть на окружающий мир.

Марина Хохрякова,
11 «г» класс, школа № 44, г. Тюмени.

А это — главное!

... Произведения Пришвина отражают во всех подробностях эволюцию его философских и политических взглядов. Идея произведений писателя заключается в том, что человек — составная часть природы. Он должен жить с ней в гармонии, потому что вне природы человек не может существовать.

Пришвин — родоначальник многочисленных экологических обществ и партий, проповедующих сохранение природы как среды обитания всего человечества.

Тимур Латфуллин,
11^а класс, школа-гимназия № 1 г. Тюмени.

ПРИШВИН И ВРЕМЯ

Михаил Михайлович Пришвин (1873-1954), 125-летний юбилей которого мы широко отмечаем, вошел в сознание читателя своими светлыми поэтическими книгами. Это классик русской литературы, большой философ.

Один из участников «круглого стола» на тюменском телевидении поставил вопрос: пришло ли время Пришвина? Развернутого ответа не прозвучало. А он напрашивается — печальный. Поставлю его обосновать.

Эпиграфом «круглого стола» были слова Пришвина: «Быть русским, любить Россию — это духовное состояние». Но где же та Россия, которую любил писатель? Этого государства, наследником которого был Советский Союз, теперь нет. А ведь любимая Пришвиным Россия тесно связана с фактами его биографии. Он был студентом в Риге, а теперь Латвия — государство, где русские подвергаются гонениям.

В рассказе «Большая звезда» он — студент-химик — ведет борьбу с филоксерой в Грузии. Очерки «Адам и Ева» и «Черный араб» — результат поездок писателя в Крым и Казахстан... Наверное, он бы с болью воспринял, что все это уже не Россия, и чувство Родины подверглось бы сейчас у Пришвина огромному испытанию. «Я неотделим от России», — писал он. Но вместо России теперь РФ, границы которой оставляют за ее пределами русские земли и 25 млн. соотечественников.

Пришвин много путешествовал, много исходил пешком. Вот рассказ «Старая щука»: «Однажды вечером я возвращался из города пешком к себе в деревню. Всегда в таких случаях меня подсаживают обратные возчики леса». А мог бы Пришвин в наше время спокойно и легко странствовать? Нынешние шоферы, если бы он голосовал на обочине, скорее всего побоялись бы голосующего и промчались мимо.

Пришвин — певец природы, учит «родственному вниманию» к ней. Он воспринимает ее как мудрый, бережливый хозяин. Еще в 1948 году он записал в дневнике, что его тревожит рубка лесов, что она «образует пустыню духа». Но нынешнее состояние природы во много раз печальнее. Отравлены реки, отравлен воздух, идет разграбление лесных богатств. Как бы Пришвин отнесся ко всему этому?

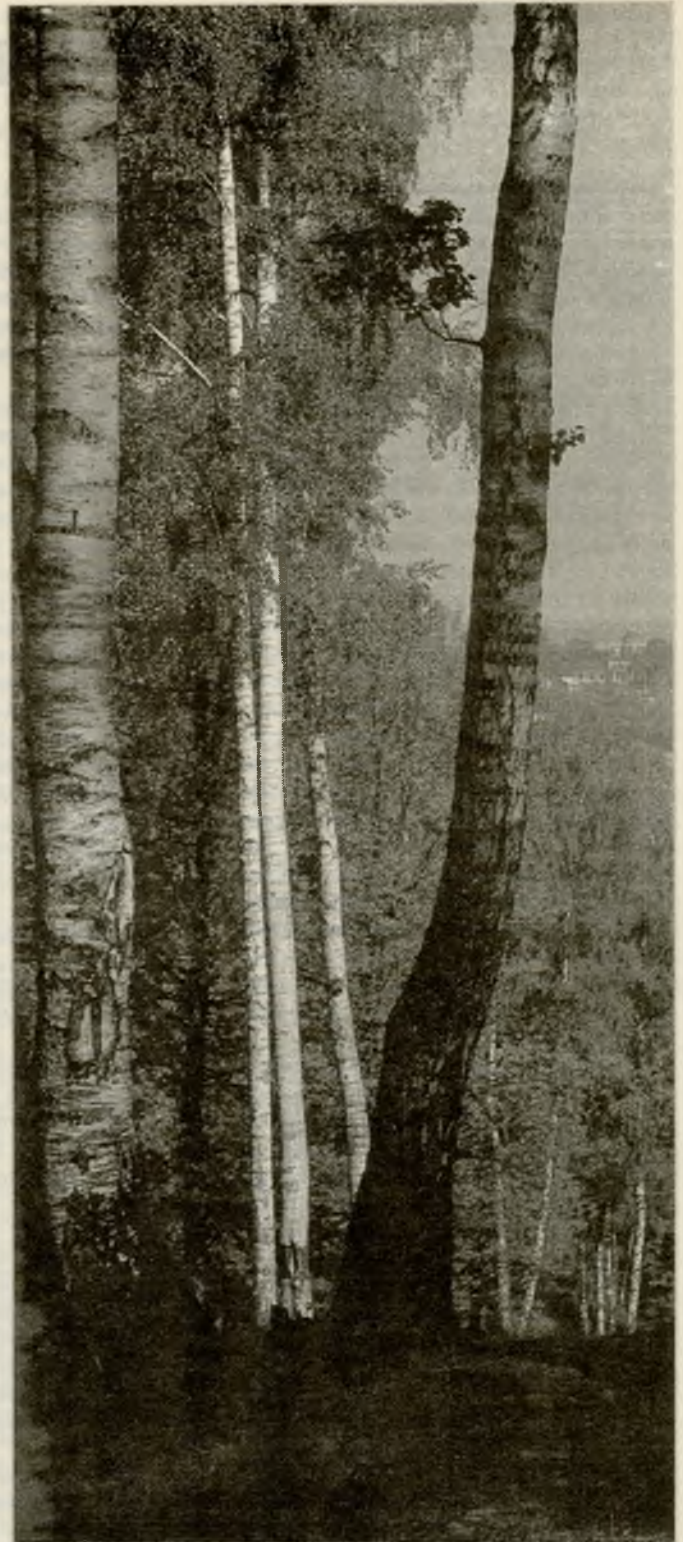
А вот биографический роман «Кащеева цепь» — об исканиях Алпатова на фоне жизни России 80-90-х годов прошлого века, о его раздумьях. Он много размышляет об освобождении от всех цепей, которые сковывают развитие личности.

Чтобы автор и его герой сказали бы, например, о сегодняшнем разорении деревни, о том, в какое состояние она сейчас приведена? О том, что некоторые поля не засеваются уже несколько лет? О том, что власть имущие хотят издать закон о продаже земли? А Пришвин считал: «Надо бороться не с собственностью, а с определенной пережитой формой собственности, вроде собственности на землю». Возможно, он размышлял бы о причинах демографической ситуации, так как смертность сейчас превышает рождаемость и идет вымирание населения.

Пришвин горячо ратовал за познание природы, познание не только личностное, но и за большую науку о ней. А теперь многие научные отрасли развалены. Типичный пример: в Кисловодске умирает уникальная обсерватория по изучению солнца. Шесть ученых-энтузиастов живут только тем, что занимаются подсобным хозяйством, ходят на охоту, а зарплату они давно не получают... И вспоминается детская повесть Пришвина «Кладовая солнца», в которой говорится, в частности, о природных богатствах, созданных великим светилом, а теперь его так трудно изучать.

В ряде произведений Пришвина говорится о большой человеческой любви. Так, в «Лесной капели» глава «Фацелия» пронизана очарованием юношеского чувства, воспоминаниями о нем, вызванными синей травой фацелией в русских полях. Это любовное чувство раскрывается очень поэтично и своеобразно философски, через чувствования человека в природе. А сейчас любовь сведена к сексу, к разврату, к невиданной эпидемии сифилиса...

Пришвин был замечательным мастером русского языка. Он достиг в нем большой точности и одновременно яркой красочности и музыкальности. Словарь пришвинской речи очень богат, обширен, часто очень поэтичен. Как бы писатель отнесся к тому, что великий язык теперь страшно искалечен? К тому, что он засорен вульгарными американизмами и другими часто нелепыми

иноземными заимствованиями? Как бы посмотрел на то, что широкое хождение получили жаргонно-воровские выражения: «лох», «в отпаде», «на халяву» и много подобных?

Да, некоторые факты при советской власти Пришвину были не по душе. Но он прекрасно видел, что государство стало могучим, что наука и культура были приоритетными. В ряде произведений он с большим теплом нарисовал простых советских людей-созидателей («Заполярный мед», «Журавлиная родина», «Москварека» и др.).

А как отнесся бы к тому, что сейчас в сознание людей внедряются эгоизм, обособленность и культ денег?

Ясен печальный вывод, что время Пришвина ушло.

И вернется ли?

Лариса Беспалова.

Живем и не сдаемся

Специально для «Тюмени литературной»

В 1988 году повсеместно, по инициативе Министерства социальной защиты населения РСФСР, были созданы организации Всероссийского общества инвалидов. Люди питали тогда надежду, что их права, интересы в наше непредсказуемое время будут защищены. Десять лет минуло. Как мы живем ныне? В нашей Калининской организации ВОИ города Тюмени 1500 членов. Это люди разных возрастов и судеб, со своими бедами и горестями, много материально нуждающихся, столько же потерявших веру в лучшее, в честность и порядочность, не нашедшие опору в жизни, а порой не умеющих и не желающих искать ее. У нас нет здоровых телом людей. Но есть не поддающиеся «горькой судьбе», активные, жизнелюбивые. И тех и других надо поддерживать, слышать и понимать, защищать.

Да, обществу уже десять лет. 30 июня с. г. мы отмечаем свой юбилей. Как мы, повторяю, живем? Есть ли надежды на лучшее?

Ежедневно на колясках, на костылях и с тросточками куда-то спешат инвалиды. Горожане привыкли к ним. Встретились... разошлись. У всех проблемы. У инвалида их не меньше. Но ему в какой-то степени надо быть чуть-чуть сильнее здорового человека.

С такими людьми я встретился в обществе на своем очередном, теперь уже инвалидском, островке жизни. Это первый председатель Калининской организации Елисеева Ольга Алексеевна, инвалид, ветеран железнодорожного транспорта; участник ВОВ, инвалид, председатель совета ветеранов финансовых работников Филатов Виктор Максимович, активный член правления с 1991 года; инвалид с детства, глухонемой Скурихин Иван, который за семь лет тренировок и нечеловеческого труда вырос до мастера спорта международного класса, призера России и Европы по легкой атлетике. А вот работники аппарата правления. Бухгалтер Мальчихина Ульяна Федоровна, фактически заместитель председателя. Активности, добросовестности этой женщины можно позавидовать. И люди ей верят, идут к ней со всеми проблемами, Кондюкова Галина Дмитриевна, заведующая складом исполняет еще обязанности «коменданта Кремля» — следит за порядком, сохранностью имущества, также очень внимательна к людям.

Такова моя опора в ежедневной председательской работе!

Всех достойных, не сгибаемых перед судьбой-злодейкой, не перечислишь. Но

я благодарен этим людям. Сам живу, работаю, радуюсь даже незначительным удачам, переживаю из-за наших просчетов и отсутствия средств, ищу возможности, чтоб помочь членам общества, как председатель правления, как инвалид кое-что переживший в своей жизни.

Ради этих людей и с ними вместе стучу своими костылями по высоким порогам власть предержащих, отстаивая интересы нуждающихся.

Более 3-х лет президентская власть противодействовала принятию Закона об инвалидах. Однако в конце ноября 1995 года при завидном упорстве и настойчивости ЦП ВОИ Федеральный Закон № 181-93 «О социальной помощи инвалидам в РФ» был принят. В силу же он вступил только с 1 января 1997 года.

По инициативе областного правления и других заинтересованных учреждений был разработан и 10.07.1997 года принят и областной Закон № 729 «О социальной помощи инвалидам Тюменской области». В силу он вступил с 01.01.1998 года.

Это уже Победа, коллективная Победа!

Хотелось бы остановиться на выполнении некоторых пунктов обеих Законов.

1. С 1 июля 1995 года статья 21 Федерального Закона на предприятиях с численностью работников более 30 человек устанавливает 3% квоту для приема на работу инвалидов. Этот пункт Закона до сих пор не работает в полную меру. Прошедшие городские (тюменские) ярмарки рабочих мест не трудоустроили ни одного инвалида, т. к. предлагались те рабочие места, где инвалид не сможет работать (сторож кладбища, грузчик и т. п.) Да и так ясно! Зачем нужен инвалид, когда на улице выброшены тысячи молодых и здоровых людей.

2. Законы дали право инвалидам, имеющим соответствующие медицинские показания, на бесплатное или на льготных условиях обеспечение спецавтотранспортом. Большинство нуждающихся — люди преклонного возраста и старше 50 лет. Очередь на получение автотранспорта в областном управлении социальной защиты лет на 25-30 (судя по количеству закупаемого и поступающего в область транспорта). Средний уровень жизни — 60 лет, инвалиду нужно дожить до 100-120 лет, чтобы получить автомобиль. Право дано, транспорта нет. Абсурд!

3. Инвалидам I и II групп и детям

инвалидам лекарственные средства и изделия медицинского назначения по рецептам врачей гарантированы в пределах норм (что это такое?) бесплатно. Инвалидам III группы — с 50% скидкой. Этот пункт Закона тоже не выполняется.

В итоге — большая часть пенсии расходуется на приобретение медикаментов, коммунальные услуги. На питание и другие нужды остаются (если остаются?) копейки.

Всем уж сегодня ясно, кроме власти президентской и правительства, что Россию загнали в пропасть, и нужно срочно менять курс всех «реформ», добывающих еще дышащую страну. Однако президент «закусил удила» и настаивает на ускоренном продолжении антинародных реформ, угрожая всеми карами тем, кто думает иначе. А впереди надвигающаяся жилищно-коммунальная реформа, которая добьет инвалидов и ветеранов, т. е. 32 млн. населения страны, проживающего за чертой бедности.

Программы реабилитации инвалидов не финансируются. Инвалиду труда и инвалиду с детства практически нет возможности поправить здоровье в санатории. Всех бед перечислить невозможно.

Мы пытаемся (при отсутствии целевого финансирования) помочь членам общества, но это крохи того, в чем нуждаются люди. Бескорыстная благотворительная помощь стала редкостью. Бедный при всем желании помочь не может, богатому наша нищета глаз ворочит.

Заработать деньги инвалид не может — кому он нужен?

В округе, городе и области создаются центры социальной помощи инвалидам и ветеранам. В нашем округе этим центром руководит Варго Владимир Иванович, инициативный и опытный человек. Но при всем положительном в работе центров они не решают всех проблем нуждающихся, которых становится все больше и больше. Где же выход?

Повторяю — нужны срочные и продуманные реформы с уклоном на социальные нужды людей. Правительство сменили, а курс остается прежним. Значит, все останется по-старому.

Что же в такой ситуации правление делает?

Нами создана бытовая служба — работают парикмахерская и мастерская по ремонту обуви членам общества на льготных условиях. Более 20 тысяч заказов выполнено, столько же обслужено в парикмахерской. На создание этой службы не израсходовано ни одного рубля из бюджета.

К нам на помощь пришел красивый душой человек — генеральный директор ОАО «Красный Октябрь» Румянцев Николай Терентьевич. Материал для оборудования мастерских, подсобных помещений и служебного кабинета выделил благотворительно. Мы работаем в довольно не плохих условиях: тепло, светло, даже уютно, я бы сказал. Им же оказывается благотворительная помощь ветеранам и инвалидам по ремонту жилья, обеспечению топливом и другим нуждам. Много добрых дел на счету этого трудового коллектива. Однако и у них с финансами немало проблем: они являются должниками и с ними многие и подолгу не рассчитываются. Хотя их продукция пользуется повышенным спросом.

Николай Терентьевич — большой друг нуждающихся. Оценивая добрые дела этого человека, областное правление направило в его адрес теплое благодарственное письмо. Здоровья и благополучия директору и его коллективу!

Неоценимую материальную помощь на протяжении 7 лет оказывают генеральный директор ТОО «Тюменьобувторга» Филиппов Эдуард Сафронович и его заместитель Полтавченко Надежда Анатольевна. О генеральном директоре и его благотворительности писала российская газета инвалидов «Надежда» и областная — «Тюменская правда». Надежда Анатольевна награждена Почетной грамотой Центрального правления Всероссийского общества инвалидов.

Низкий поклон от всех инвалидов этим людям!

Нашу признательность хочется выразить главному врачу санатория «Тараскуль» Шанаурину Валерию Николаевичу, который по своей инициативе оказывает помощь и внимание инвалидам первичной организации поселка. Центральное правление ВОИ наградило Почетной грамотой Валерия Николаевича.

Мы рады, что благотворителями общества по собственной инициативе стали:

— директор АО «Золотая Радуга» Шведов Анатолий Александрович,

— Калининский отдел охраны УВД (в течение 7 лет!),

— главный врач детского санатория «Б. Тараскуль» Иванов Виталий Петрович,

— директор Калининского филиала ЗСКБ Гринфельд Дмитрий Леонидович (старт дружбе с филиалом дала его бывший директор Черемных Надежда Сергеевна).

Общество функционирует благодаря их бескорыстной помощи.

Не могу умолчать о нашей спортивной команде, наставником которой на благотворительных началах является Созыкин Владимир Павлович. На областной Спартакиаде в 1996 г. она заняла

второе, а в 1997 году — первое место среди 34 команд области. Колясочнику «с деревянным позвоночником», инвалиду на костылях или с другим «букетом» болезней и постоянной медицинской аптечкой в кармане не так просто осознать в себе «нормального человека», спортсмена. Простые парни и девчата-инвалиды добились внушительных результатов: стали призерами зональных, Российских, Европейских и международных, паралимпийских игр, стали кандидатами и мастерами спорта международного класса.

Надо отдать должное руководству администрации округа: при всех финансовых затруднениях нашим спортсменам оказывается денежная помощь для активного участия в большом инвалидном спорте. Благодаря этому вниманию, наша команда видна на фоне города и области, России.

Уверен, что теплые приемы руководством округа спортивной команды, чествование отличившихся, теперь уже ставшее традиционным — огромный стимул для развития массового инвалидного спорта. Все годы становления и деятельности общества с нами и нашими проблемами были Пустовит Игорь Трофимович, Панов Анатолий Дмитриевич, Полянская Наталья Сергеевна. Мы им признательны!

При нашей организации сложилось и работает литературное объединение «На огонек», выпускающее одноименную и довольно содержательную газету. Самодельные поэты и прозаики участвуют в областных литературных конкурсах, печатаются в газетах «Честь имею», «Тюменская правда» и российской газете «Надежда».

Членам общества уделяет внимание поэт, наш большой друг, редактор газеты «Тюмень литературная» Денисов Николай Васильевич. В своей газете публикует стихи наших поэтов, переживает за наши просчеты и радуется нашим удачам, добрым делам. Мы не обделены вниманием этого человека, патриота своего края, достойного гражданина России. Многих лет и здоровья Вам, Николай Васильевич!

Время довольно трудное для инвалидов: нерешенные проблемы постоянно увеличиваются (прибавляются). Члены общества имеют свой спецавтотранспорт — единственное средство передвижения, а техническое обслуживание и ремонт в городских и частных мастерских произвести очень дорого. Имеется острая необходимость иметь свою оборудованную мастерскую — СТО, но нет средств, ни состоятельных благотворителей. Вот и мучаются со своим годами «неходячим» транспортом инвалиды. Никто ни нас, ни их не слышит!

Давным-давно назрела необходи-

мость иметь клуб для массовой работы. Негде встретиться инвалидам, а общение нужно, как воздух! Финансовые возможности нулевые, ни купить, ни арендовать помещение. В странах с действительной демократизацией и без, эти вопросы решает государство, а не бесправные и безденежные общественные организации.

Теперь хочу сам себе ответить на вопрос: «Есть ли перспективы к лучшему?», и ответить без иллюзий и самообмана.

Наверное, в наше народное советское время и исполнились бы наши планы, а сейчас... Сейчас трудно верить, что мечты сбудутся. Мы по разные стороны баррикад с теми, кто все имеет и все может. Они могут все продать и все купить — даже принципы, даже душу...

За 14 лет своего «инвалидского испытательного срока» мне пришлось почувствовать на себе «свою неудавшуюся судьбу», ту судьбу, которая другой уже не будет, как и у тысяч других инвалидов. А если и изменится в лучшую сторону, то не скоро и не у всех.

Бог и добрые люди помогают нам преодолеть свалившуюся на нас беду, находить в себе силы и желание жить, а по возможности «помогать другим». На больничной в шесть месяцев длиною койке, когда я еще был «между небом и землей» около меня были, вернее, дрались за мою жизнь, опытные врачи 2-й городской больницы Любарский Владимир Иванович, Меркель Валерий Карлович, Журавлев Михаил Николаевич, медперсонал.

После выписки, дома, мне помогли семья, друзья и товарищи по службе Карabanчиков Михаил Кириллович, Гардер Виктор Васильевич, Токаревская Альбина Ивановна и др. И не просто помогли, а делали все возможное, чтобы вернуть меня к жизни. Более года «костлявая с косой» ходила вокруг меня. Но врачи, друзья, товарищи, семья оказались сильнее. Всем им мой низкий поклон!

Поэтому я и уверен: пока есть рядом профессионально умные врачи, друзья, пока есть единомышленники в нашей общественной организации, благотворители, пока в их сердцах будет жить чувство сострадания, не утраченное чувство коллективизма и взаимопонимания — нас будет трудно сломить, сделать безвольными и «ручными»! Хочу подтвердить, что настроение у нас нормальное, дух боевой.

Поздравляю инвалидов, благотворителей, друзей с 10-летним юбилеем ВОИ, желаю всем здоровья и благополучия, сил и энергии выстоять!

Леонид ТРЕТЬЯКОВ.

Игорь Тюленев

Москва

Москва. как много в этом звуке.
В глухом подъезде курят суки,
От лампочки разит тюрмой.
И презирая государство,
Возводит Сатану на царство —
Демократический конвой.

Усы и плешь, и кремль славянский,
Да робок повист атаманский,
Да мало плетки дончаку.
Киоск газетный под копытом,
Да Русь с разломанным корытом,
Скорбя попросятся в строку.

Начнешь писать — притащат водки,
Мои бездарные погодки,
Красивых баб приволокут.
Прости гордыню Дух Всевышний,
Ты в этой сваре-будешь лишний,
Евангелие здесь не поймут...

Уже Степан княжну хватает,
И тот, кого никто не знает,
Все примечает и сечет,
Имея в подсознание дыбу,
На каждого в портфеле — «рыбу»,
Чтоб новой власти сдать зачет.

Когда бы Юрий Долгорукий,
Взял град повторно на поруки,
Когда б с пристрастием спросил
С потомков за Москву-столицу,
Когда б орду загнал в темницу,
Избавил нас от черных сил.

Буди — но князюшко не встанет,
Не звякнут гусли в русском стане,
Орел Двуглавый не взлетит
Над древнерусскою столицей,
Он будет в памяти двоиться
Тех, кто порубаный лежит.

Москва, как много в этом звуке,
Уже портвейн допили суки,
А у поэта вновь запой,
И все безрадостно и грустно,
И хлещут непечатно чувства
На Отчину и нас с тобой.

Умчится из столицы скорый,
Как дума за моря и горы,
О тех, кто плуг в поля везет,
О тех, кто многого не знает,
Но в борозду зерно бросает, —
Москва за счет его живет...

г. Пермь

«Мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком кружевном аэроплане, высоко над землей; а под нами — громящая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы.»

Александр Блок
«Стихия и культура», 1908 г.

Не полемики ради...

«Кто там с ВИЗГОМ вцепился в штанину?..»

Читатель, чтобы понять, что такое воинствующее невежество и как оно «издает, печатается и поучает», прошу тебя перечитать мою публикацию во втором номере «Тюмени литературной» «Тайна Ариона», где я попытался расшифровать иносказательность автора стихотворения «Арион» — А. С. Пушкина, и «отклик» на сию публикацию тюменского лейб-медика Анатолия Васильева под интригующим предпосылом «Полемиические стрелы» (газета «Тюменские известия» № 102 за 4 июня 1998 г.) Прочти и сравни: я старался расшифровать, автор «отклика», зайдя в непонятном и совершенно неуместном злопыхательстве, постарался все сказанное мной втоптать в грязь. Найти слово «воинствующее» г-на Васильева, по-видимому, подвинула весомость его полковничьих (?) погон, — старший офицер все-таки! — хоть и пороку не нюхал. Ну а словечко «невежество» — это явный слепок с собственной безоглядности. Я высказал свое мнение о зашифрованном пушкинском стихе, не забывая истину, что университет, прежде всего, научает думать, мыслить, одновременно помня постулат Декарта: «Чтобы найти истину, каждый должен хоть раз в жизни освободиться от усвоенных им представлений и совершенно заново построить систему своих взглядов». Я не поучал! Повторюсь: я высказал свой взгляд, и только. Я ответил на изыск московского «пушкиноведа», назойливо впикивающего в качестве «кормщика» на пестелевско-трубецковский «челн» императора Александра I. Г-н Васильев, мелочась в недержании содержания, почему-то не заметил этого, зато «со знанием вся» удличает меня, например, в неправильности написания фамилии Г. С. Батенкова. Надоть, вишь ли, писать с «мягким знаком» — Батеньков. Далее: оказывается я по-дилетантски погрешил и в написании «титула» Батенкова — «инженер-юрист». Г-н оппонент, открывайте монографию Якова Аркадьевича Гордина «Мятеж Реформаторов» (Лениздат, 1989 г.) на стр. 61-65. На стр. 63 рядом с портретом Г. С. по-русски написана его фамилия — Батенков; в тексте указанных листов инженер путей сообщения Гавриил Степанович Батенков служил инженером в ведомстве Аракчеева, а в Сибири, занимая должность и место окружного генерала, благодаря М. М. Сперанскому, управляющему эти краем, Батенков стал юристом, и как он сам пишет о себе: «...я сделался знатоком теории законодательства». Чего же еще, г-н Васильев? Теперь о моих «ашипках» относительно полковника А. М. Булатова... Прости, читатель, «пища» о санкт-петербургском «отрезке» биографии участника мятежа реформаторов полковника Булатова, я впопы-

хах забыл проконсультроваться у просвещеннейшего тюменца А. И. Васильева о том, что сей полковник некогда служил в петербургском гвардейском полку лейб-гренадер и как ветеран его в день мятежа должен был — по плану диктатора полковника Генштаба С. П. Трубецкого — вывести на Сенатскую площадь именно этот полк, «ашипно» назвал А. М. Булатова блестящим командиром лейб-гренадер. По-видимому, полковник Булатов тоже «ашипно» считал себя во многом способнее полковника князя Трубецкого и потому, получив инструктаж у «кавказского враля-романтика» капитана Нижегородского драгунского полка Якубовича, отказался выполнить предписание диктатора Северного тайного общества. Каюсь, читатель, что я также не посчитал нужным узнать у моего современника полковника (?) Васильева, что князь Трубецкой на время описываемых событий «уже год как служил в том самом Киеве, южнее которого расположен Тульчин. В Питере (?) он оказался “по случаю семейного праздника”. По-Васильеву выходит, что мятеж реформаторов-масонов, впоследствии названный «восстанием декабристов», всего лишь детская игра «гусигуси — га-га-га!», которой, взяв отпуску кто в Киеве, кто в пензенском Керенске (?), кто на Кавказе, забавлялись между делом первые лица декабрьского «восстания». Далее: по-Васильеву «декабристы» потерпели фиаско только потому, что диктатор Трубецкой в день мятежа не явился на Сенатскую площадь, спрятавшись от греха подальше у своего австрийского родственника. А так ли, г-н консултант? А. И., подновите свои всезнания внимательным прочтением документов о событиях дня 14 декабря 1825 года. Иначе у вас, г-н Васильев, получается, как в поэме Александра Сергеевича Второго: «он в две шеренги вас построит, а пикните, так мигом успокоит!» И еще: не приму я вашу мелочную придирку к моему «П» в имени князя-декабриста Волконского, это получилось механически от «С.П.» князя Трубецкого, из чего вы так сладострастно выдуваете мыльный пузырь своего всезнания. И последнее: зачем, похамски распиная меня, лягать главного редактора «ТЛ» Николая Денисова? Вы, что, завидуете ему?

Кто же вы при этом?... Денисова нужно благодарить за то, что он стоически везет областной «воз», имя которому «Тюмень литературная». А вы, малиново позванивая полковничьи шпорами, стараетесь пошловато и побольней подхлестнуть его — человека, поэта, редактора.

С уважением к газетной бумаге «Тюменских известий» Петр Григоров, филолог и журналист.

Боевые отравляющие вещества или сдвиг по «демократической» фазе

Воинствующая серость строчит,
подтасовывает, жлет.

«Энциклопедисту» А. И. Васильеву

Весь в нафталине, озираясь, дребезжа голосом и трачеными костями, ты, Анатолий Иванович, опять совершил литературную вылазку — все в той же «Проталине». Опять разбор избранных мест в «Тюмени литературной», ничего не имеющий общего с нормальным литературным анализом. Умудрился опять даже «не заметить» более двадцати авторов...

Не надоело злостствовать?

Ты, словно карточный шулер, передегиваешь, а затем приписываешь мне свои измышления «от фонаря» — речь во второй части твоей обширной статьи идет о моей личности и стихах. В расчете, что тебя не ухватит за руку читатель (кто помнится уточнять, сверять строки?), ты преднамеренно что-то упускаешь, компануешь, цитируя то из «ТЛ», то из моей стихотворной подборки в журнале «Наш современник»...

Скоро десять лет, как выходят возобновленные выпуски «ТЛ» (в прошлых «по рекомендации парторганов» я печатал твои занудные поэмы во славу большевиков-интернационалистов!), и ты все эти годы на «коне» против газеты, подчеркивая, что ты всех грамотней, умней, «всех румяней и белей». Надо бы заказать медаль для тебя и соответствующий памятный адрес с автографами наших авторов. Их много. Кто-то, из молодых, выпустил свои книжки в нашей редакции, а возможно, вступил в члены Союза писателей...

Ты, несомненно, — человек начитанный и должен понимать, что за чванливость, пренебрежение к людям раньше было принято бить канделябром по непутевой головке! Правда, тебя уже били за это. Жестоко. Увесистым мужским кулаком. И ты летел, опрокидывая стулья, под стол. Потом поднимался, пьяно утираясь, трусая дать сдачи. И это, господи, офицер!

Начитанность, конечно, дело хорошее. Но известно и тебе, что не она определяет культуру, тем более, талантливость. Последнего как раз тебе Боженька не дал, сколько-нибудь приличным стихотворцем ты не стал, сочиняя бездушные холодные вирши, «со званием» сколоченные, как деревянные ящики. На это тебе указали в «Руси». Грубовато, но сути не меняет.

В середине 60-х, выпустив книжечку, ты ходил в «лучших друзьях всех тюменских молодых поэтов», председательствовал на семинарах. Мы, семинаристы, один за другим были приняты в члены СП, а ты, Анатолий Иванович, все подобострастно, но безуспешно козырял и прищелкивал каблукками. Десятилетия текли, а ты все козырял и прищелкивал. Не брали тебя в члены СП. Обидно. Похвально то, что у тебя росли звезды на погонах, значит, там, на военной кафедре, где ты работал с отравляющими веществами (боевыми!) и подопытными крысами, тебя ценили. Разве этого мало?

Мало, выходит. И мы, члены Тюменского отделения СП, старались тебя протолкнуть в Союз, как могли...

Нынче твое боевое медицинское акушерство — в прошлом, книжек приличных нет, а утверждаться по-прежнему хочется. Вот ты и «утверждаешься» ядовитыми статейками. Пора бы подумать о ВЕЧНОСТИ, а ты опять — «всех румяней и белей».

Прицепился к нашей газете. Это ведь так безопасно: защитников у нее среди властей и толстосумов нет. Слово — ее защитник! Слово единомышленников, в том числе и в Русском Зарубежье. Это не близкие тебе, Анатолий Иванович, коротичи, а последние хра-

нителю православной культуры России, истинные патриоты. Но это тебя тоже гнетет! «Денисовы обращены к Западу!» Не заговаривайся, это похоже на сигнал в компетентные органы.

Давно ли ты шастал по «апрельским кушам» с любезными тебе черниченками? А теперь устроился за печкой того человека, которого ты презрительно называл «запечным философом». Поворот — «все вдруг!» Не смешно ли?! Возгудашь: поклеп «на всю организацию» «ТЛ» возводит! Как это — «на всю»? Посмотри на страницы газеты — кто в ней печатается? Тюменские авторы — в большинстве!

Честное слово, вот мне сейчас очень жаль занимать газетную площадь этой отповедью (лучше бы хорошие стихи молодых авторов дать!), но ведь не отвечать тебе, значит, согласиться с наветами, а ты достоин того, чтоб «получить по рогам». За злопахательство, за передегивание. К примеру, В. Жерновников, редактор «Руси» (не надо нас объединять в наглую!), понял, не обиделся, принял к сведению мою иронию по поводу его «международной газеты», «редкостного издания». А ты, медик Васильев, вала с пятого на десятое, выдаешь сию иронию за мое похвальное слово. И здесь для тебя «пища»: «Русь» при всех издержках, становится на ноги, печатает материалы о русских культурных традициях, о рабочих коллективах, дает литературные материалы, а ты «демократического» кобеля на нее спускаешь. Опять — самый «вумный» и просвещенный! Слава Богу, не выставляешь себя самым талантливым (смех в зале!). Приватизировал А. С. Пушкина. Укажешь: не то, не так! А Саша Гришин, как «истинный демократ», все это печатает...

А какова у тебя, прости Господи, лексика: «Психбольница, вырезвитель, стужачи, палачи, топор, маска палача...» Продолжу — паханы, вертухай, шныри! А недавно по «телеящику» устами одного думского депутата нас просветили, что есть еще «суки отвязанные». Так что сие можешь записать на свой счет!

У тебя «...палачи ходили в масках». На Руси? Где видел, «энциклопедист» из «Проталины»? В красной рубахе, при топоре. Это было. Какие уж тут маски, невежда! Это, так сказать, от нашего стола — вашему!

«Авакум — символ раскола!» «Не плети», как сказала бы моя неграмотная бабушка. Скульптура нашего земляка Ф. Викулова на обложке «ТЛ» № 2 — как раз символ стойкости, веры, мужества. Символ раскола — Никон, скорей всего. У нас тоже есть такие символы. Доходит?!

Помнишь, Анатолий Иванович, летний день на околице деревни Ершово? Перед вечным покоем... Что-то ведь человеческое пробуждалось... но немногим позднее, на нашем совместном выступлении перед студентами Ишима, ты, бросив на меня свой мерцательный взгляд, «удачно» скалambuрил: «Я врач, а это мой враг!» Похвально: земляк — враг! Потом ко мне подошли преподаватели, спросили: «С ним все в порядке?!»

Что было ответить? Сказать о несовместимости врачебного постулата «не навреди» с продемонстрированной «этикой» поведения?!

Вижу, этические проблемы смыкаются уже с политическими, когда для прихлебателей нынешнего режима все средства хороши?!

Николай ДЕНИСОВ

«На земле родной креп мужчиной я...»

Первому сибирскому татарскому поэту Булату Сулейманову, живи он ныне рядом с нами, живущими, исполнилось бы 60 лет. «Мы помним тебя, Булат!» — под таким заголовком опубликовала

в «Тюменской правде» статью — от имени земляков поэта — педагог Нелюфер Юсупова. 28 мая 1938 года в ауле Супра, «на диком берегу Иртыша, родился Булат. Родина, родная земля питала его поэтические строки. И в этом было счастье поэта Булата Сулейманова — в его жизни очень неустроенной, одинокой, как у многих истинных поэтов.

Мы тоже помним тебя, Булат, и пока живем на этой земле, будем хранить память о тебе, в надежде передать ее поколениям, идущим в след за нами. Помним по стихам, афористичным, тонким по движению искреннего чувства, по-восточному кратким, по-мужски важным, мужественным.

Кто-то вспомнит наши аудитории в Литературном институте, коридоры и шумные комнаты литинститутского общежития в Москве, в Останкино — на Добролюбова 9/11, Бюро пропаганды художественной литературы в Тюмени, нашу небольшую писательскую «обитель» на пятом этаже Дома Советов, где всем пишем — от Ямала до Приишимских стеней — хватало места и привета. Там раздавался бас незабвенного Ивана Михайловича Ермакова, голоса Гены Сазонова, Толи Кукарского, Володи Нечволоды... Нет их с нами сегодня. Так рано ушли, как и Булат, оставив книги и память о себе, как о людях неординарных, не всегда удобных в общении, но при пристальном взгляде — ранимыми людьми, истинными талантами. Да, ныне это почти неповторимо, как неповторимо время, которое, к сожалению, ушло...

«На земле родной

Креп мужчиной я,

Не отступая в пути.

А твои волшебные звуки

Окрылили мне душу,

Всколыхнув в диком сердце

музыку...»

Кто из молодых сибирских татарских поэтов продолжит и понесет дальше эти «волшебные звуки»? Неведомо, непредсказуемо. Но поэзия вечна — как время, каким бы испытаниям они не подвергались.

А как по-новорусски «сковородник», господа?..

Фельетон

Что такое слово?.. Ну, само понятие — философское или социальное, как угодно? Ученый муж, высокоумно задрав голову и приопустив веки, будто припоминая что-то издавно познанное, поучительно ответит: «Это, надо полагать, звукоряд в разговорной речи человека, объясняющий то-то и то-то». Почти правильно! Шутник тоже по-своему знает, что такое «звукоряд», и усмехнется: «Это щепотка или горсточка букв, расставленных, как надо». Похоже, только не букв. Говорим-то не буквами! Верней здесь другое: шутник, как обычно, — или начитанный самородок, или хитрый грамотей, что всегда рядом с клоунадой. К клоунам мы еще вернемся!..

Так что же такое «слово»? Я возьму среднее между академизмом и шутством. Слово — это картинка, нарисованная звуками речи, где модель — хоть зверюшка, хоть паровоз. Главное — точно обрисовать облик предмета, существа или явления, чтобы, произнеся слово даже с закрытыми глазами, четко увидел то, о чем говоришь. Ну, например, скажите хоть шепотом: «Ёж!», и вы мысленно увидите серый живой комоч, утыканный иголками. Коротко и коллоче, будто укололся нечаянно и руку отдернул. «Ёж!» Непогрешима точность звукового рисунка! Не знаю, как в этом отношении у иных народов, а у нашего — гениально! Или нашенское же слово «дуб» — не менее коротко и почти твердокаменно, вечно и непробиваемо, хоть бык забодайся, а не только солженицевский телок! Боже мой, да произнесите любое русское слово и вы внутренним слухом слышите в звучании его изумительную отраженность природы, нас окружающей. У такого языка и литература соответствующая. Правда, не всякий пишущий на русском языке сумеет написать по-русски. Духовная начинка не та!.. Например, англичанин или иудей по-тургеневски «Бежин луг» никогда не напишет.

Да, наши предки были великолепными языковтворами. Правда и то, что во время татаро-монгольской накали на Руси незваные «гости» понастроили у нас «саравы» и «амбаров» вместо не ихних «подклетей», понадевали на русских мужиков «армяков» с нашитыми на них «карманами», понадернули на морды русских коней «арканы» и, что самое достопамятное, — научили славян материться. В общем, поделились, чем богаты были.

Свою «лепту» в развитие русского языка внесли и иудеи, но, как всякий прижимистый народ, эти дали немного, ограничившись в основном, понятиями о старом и новом заветах да именами людей: Лазарь, Захар, Иов, Серафим и т. д. Эти больше взяли, чем дали. По-видимому, исходя из того же положения — «чем богаты...» Уместно сказать, что израильтяне до сих пор похваляются перед нами и не только перед нами, что якобы дали нам, православным, Бога и Библию. Но бог — покойник, а ключ к пониманию библии за семью замками. По-иудейски, господа «благожелатели»!..

Основной шквал иноязычия хлынул на Россию через

«спрорубленное окно в Европу» русским царем Петром. Но этот «потоп» был оправдан. Нашим предкам, современникам царя-реформатора, некогда было придумывать свою техническую терминологию, особенно, корабельную, и русские корабли съезжали на «рейды» со «сталелей» под «фок-бизань» и гротмачтами», и уже не корабельные носы, а «форштевни» российских «Святых апостолов» и «Меркуриев» пахали воды Балтики и других морей.

Не обходилось и без юмора. Русский человек наблюдатель и на выдулки горазд! Так немецкий «шнобель» был ментально наклеен на любой чрезмерно большой нос в России. Не секрет, что фельдмаршал Барклай-де-Толли в шутку называл нос князя Багратиона «шнобелем».

И вот наше время. Время еще одного наплыва иноязычия на наш «великий, могучий». Но теперь словарный запас русского языка не обогащается, а подменяется. Вместо всем понятного слова «совещание» вдруг, булькнув, всплыло новорусское словечко «самет». Вместо давно прижившегося на Руси слова «меценат» появилось далеко не всем понятное «спонсор», нечто похожее на дикобраза. Русский исконный «городской голова» стал «мэром», а ведь на фоне этого «мир», «хмырь» выговорить легче! А то вот еще обогащающее новшество языка: «имидж» и «импичмент»! Будто двух тараканов рядышком на задние лапки поставили и мочальной бечевочкой перевязали! Есть и похлеще!.. Главу Государственной Думы все чаще с экранов телевизоров и по радио «спикером» называть стали! Правда, недавно Геннадий Николаевич Селезнев в беседе с одним из новорусских языковтвора-радиоклоунов аккуратно «задержал удила»: «Я — не «спикер». Это словечко вами придумано. Я — Председатель Государственной Думы». Вы думаете эта братия вялая? Где там! Снова и снова сыплется в уши телезрителей и радиослушателей, будто дохлые тараканы, «Имиджи», «Импичменты», «Саметы», «Спикеры» и прочая тараращина. Или вот еще одна благоглупость: «экслюзивное интервью». Четверть века проработал в прессе, и только недавно услышал глупейший неологизм — «экслюзив». Честное слово, впечатление такое, будто в потемках в коровью «дупеху» нечаянно ступил. Бывает и так, обычно, в программе «Реклама и объявления». Зажигается экран «телеящика» и из полутьмы его выплывает изображение симпатичной леди — поцеловать хочется. Но, неожиданно прослушав объявление из умело накрашенных уст: «Потерялась собачка. Возраст шесть месяцев. Окрас пегий. Девочка», хочется поцеловать и спросить эту «леди»: «А вас, что, сучкой называть теперь, что ли?»

...Вот так. Не знаю, сколько еще продлится эпоха новорусского словесного ламихунизма — пожирателя всего, что вокруг и рядом — и потом на всякий случай хочется спросить: «А как по-новорусски «сковородник», господа?»

А. КРАЮХИН

От сердца к сердцу

Всегда держу открытым сердце
И только ум настороже.
Входите смело, иноверцы,
Клиники оставив на меже.

Приму вас, как гостей желанных,
Под звон бокалов за столом
Разведем смрад речей туманных,
Во славу Родины споем!

Не разделить ее нам, братья.
Как ни крути, земля одна.
Отричем чуждые понятия —
Спасибо скажет нам она.

Я не задену вашей чести
Пустяжным словом, молодцы,
Пойдем дорогой жизни вместе,
Как завещали нам отцы.

В единстве сила наша зрима —
Так понимал Багратион.
А что она непобедима —
Был убежден Наполеон.

Мы с вами выстоять сумели
В горах мировой войны.
Полсвета дружбой обогрели,
Теперь не узнаем страны.

Но верю я, минуют беды —
Былое братство возродит.
Давайте вспомним в День Победы
Его под знаменем одним.

Геннадий Бронников
с. Нижняя Тавда

Вышли новые книги

Представляем новые книги тюменских авторов, поступившие в редакцию нашей газеты:

Борис Комаров «Записки таксиста», Средне-Уральское книжное издательство, 1998.

Член Союза писателей Борис Комаров немало лет крутил баранку такси, был инженером в системе автотранспорта. В аннотации издания есть такие строки: «Вышли уже три книжки этого цикла, которые нашли своего читателя».

Желаем Б. Комарову дальнейших творческих свершений.

Иван Разбойников «Сень горькой звезды». Роман в двух частях.

Открываем небольшой «секрет»: Разбойников — литературный псевдоним нашего постоянного автора Аркадия Захарова, прозаика, литературоведа, работника тюменской городской администрации.

Роман «Сень горькой звезды» выдвинут на соискание Пришвинской премии.

Павел Бармин «От первого лица». Стихи. Издательство «Приобье», Нижневартовск, 1998.

Первый сборник П. Бармина — ныне северянина, живущего и работающего в г. Радужный, а в недавнем прошлом офицера, участника войны в Афганистане, вышел в серии «Библиотечка газеты «Тюмень литературная».

Евгений Век «Толпа». Повесть, рассказы, стихи. Сборник издан в Нижневартовске. Редактор и автор предисловия Николай Смирнов. Он и представляет молодого литератора (Евгения Кононова из Радужного): «Грядет самобытный, «незарифмованный» беллетрист, у которого будет чему поучиться даже бывалым, маститым подвижникам пера».

Федор Селиванов «Избранное». Издательство Тюменского государственного университета, 1998. В книгу включены опубликованные ранее философские работы, а также некоторые публицистические и литературные произведения.

«Правило веры»

народная газета по славу
Святителя

Николая Чудотворца

Присылайте материалы, связанные с именем Святителя: рассказы о ныне действующих и утраченных храмах, часовнях; чудесной помощи, вразумлениях, достойных носителях имени Святителя Николая, молитвы, стихи, духовные песнопения, изображения икон, местные предания, вырезки из газет, проповеди священников, короткие сообщения, фотографии, рисунки и т. д. Мы обязательно вышлем вам свежий номер «Правило Веры» при наличии обратного адреса.

194356, Санкт-Петербург, Выборгское шоссе, 104.

Редакция газеты «Православный Санкт-Петербург».

Выдающиеся государственные и военные деятели России и СССР

И. В. СТАЛИН

Верховный главнокомандующий
1941—1945

...

На главной площади страны, недалеко от Спасской башни, под сенью каменной стены лежит в могиле вождь вчерашний. Над местом, где закопан он без ритуалов и рыданий, нет наклонившихся знамен и нет скорбящих изваяний, ни обелиска, ни креста,

ни караульного солдата — лишь только голая плита и две решающие даты, да чья — то женская рука с томлящей нежностью и силой два безымянные цветка к его надгробью положила

Ярослав Смеляков
1964

Роже Гароди:

"...Я думаю, что на фигуру Сталина нужно смотреть в историческом плане. В сущности, тогда была осада: вспомним, что железный занавес выдумали не русские, а Клемансо и Черчилль, которые говорили о необходимости натянуть занавес из железной проволоки и задушить Советский Союз голодом. А когда страна находится в осаде, то это совершенно не ведет к какой-нибудь терпимости. Действительно, в тот исторический период были ужасные отклонения, и я думаю, что с этой точки зрения Сталин был плохим учеником Ленина. В одном из своих последних текстов, опубликованных в "Правде", который можно действительно рассматривать как политическое завещание Ленина, тот писал о том, что пройдет 50-60 лет, прежде чем крестьяне на своем собственном опыте придут к коммунизму. Сталин же захотел сделать это за два года. В результате он уничтожил советское сельское хозяйство, которое и сейчас еще не поднялось. С другой стороны, когда Сталин говорил в 1931 году: "Если мы не будем производить 10 миллионов тонн стали в год, то меньше чем за 10 лет нас раздавят", он был прав. Десять лет, то есть, 1941 год. Если бы он тогда не совершил то невероятное усилие, которое, действительно, с человеческой точки зрения, стоило очень дорого, мы бы сейчас жили еще в эпоху Освенцима.

...Очень легко говорить задним числом: нужно было сделать то-то, не хватало того-то. К сожалению, дорога истории, как говорил Ленин, это не Невский проспект. И в определенных исторических условиях сначала нужно делать то, что необходимо, даже если это будет стоить больших человеческих усилий. Я считаю, что с человеческой точки зрения, сталинизм стоил нам очень дорого, но надо также сказать и о том, что если Европа свободна сегодня, так это благодаря Сталинграду".

У каждого из нас есть права.

Вспомните о них!

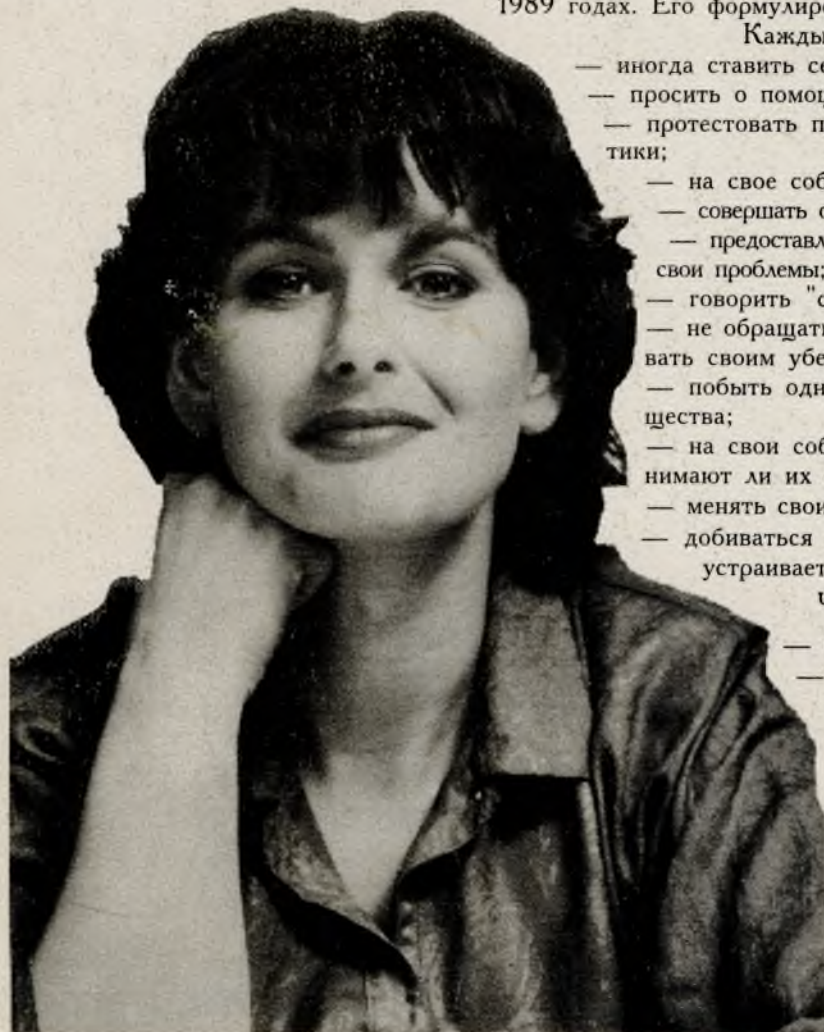
Кроме юридических прав, у каждого человека есть неофициальные, личные права. Не все это понимают, и наши личные права часто нарушаются людьми или обстоятельствами. Когда такое случается, мы даже не можем обратиться за защитой к закону. Ведь наши личные права нигде не записаны, потому что очевидны. Тем не менее, мы можем рассчитывать только на себя. Защитить себя легче, если четко знать, в чем состоят наши личные права. За основу можно взять "Биль о правах", разработанный обществом PASA в США в 1988—1989 годах. Его формулировки довольно точны и универсальны.

Каждый человек имеет право:

- иногда ставить себя на первое место;
- просить о помощи и эмоциональной поддержке;
- протестовать против несправедливого обращения или критики;
- на свое собственное мнение и убеждение;
- совершать ошибки, пока не найдет правильный путь;
- предоставлять людям возможности самостоятельно решать свои проблемы;
- говорить "спасибо", "нет", "извините";
- не обращать внимания на советы окружающих и следовать своим убеждениям;
- побыть одному, даже если другим хочется вашего общества;
- на свои собственные чувства, независимо от того, понимают ли их окружающие;
- менять свои решения или избрать иной образ действий;
- добиваться перемены договоренности, которая Вас не устраивает.

ЧЕЛОВЕК НИКОГДА НЕ ОБЯЗАН:

- быть безупречным на 100 %;
- следовать за толпой;
- любить людей, приносящих Вам вред;
- делать приятное неприятным людям;
- извиняться за то, что Вы были сами собой;
- выбиваться из сил ради других;
- чувствовать себя виноватым за свои желания;
- мириться с неприятной ситуацией;
- жертвовать своим внутренним миром ради кого бы то ни было;
- сохранять отношения, ставшие оскорбительными;

- делать что-то, что Вы на самом деле не можете делать;
- выполнять неразумные требования;
- отдавать что-то, что Вы на самом деле не хотите отдавать;
- нести на себе тяжесть чьего-то неправильного поведения;
- отказываться от своего "я" ради кого бы то или чего бы то ни было;

Только помните, заявляя о своих личных правах, что они есть и у всех остальных людей.

Умейте уважать личные права других так же, как Вы хотите, чтобы уважали Ваши.

Н. Коноплева
"Практическая психология Хозяйки Дома".

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская областная писательская организация, коллектив редакции, ТАЛ.
Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.1991 г.
Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадетов в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в Шадринском ПО «Исеть» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641800, г. Шадринск, ул. Спартак, 6.

Подписано в печать 26 июня 1998 г.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 387.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка Елены ВАНЬЧЕВОЙ
Корректор Татьяна КАМЫШЕВА

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов

